

Ольга Тарасевич
Копия любви Фаберже
Серия «Артефакт-детектив»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=169913
Копия любви Фаберже : Эксмо; М.: 2008
ISBN 978-5-699-28486-3*

Аннотация

Фуэте Матильды Кшесинской кружило головы лучшим мужчинам Российской империи. Однажды оно вдохновило ювелира Карла Фаберже на создание уникального пасхального яйца. Через ледяной горный хрусталь видна театральная сцена. Когда раздвигается бордовый занавес, в сверкающем алмазном платье появляется танцующая балерина. Прошло время. И вот утраченное в годы революционной лихорадки хрустальное яйцо выставлено на московском аукционе анонимным продавцом. Олигарх Андрей Захаров хочет приобрести ювелирный шедевр и передать его в музей. Красивый жест богатого человека! Однако не все то золото, что блестит. Убита Полина Калинина – близкая подруга жены Захарова. А главным подозреваемым становится меценат...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	7
Глава 2	24
Глава 3	37
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Ольга Тарасевич

Копия любви Фаберже

Моим любимым маме, папе, бабушкам

Все события и персонажи придуманы автором. Все совпадения случайны и непреднамеренны.

Пролог

Обычно у посетителей, переступавших порог стандартной панельной «двушки», вытягивались лица. Недоуменно смотрели они на пол с зеленым, советских времен, линолеумом, на самодельные антресоли, вешалку с ядовито-красными пластмассовыми крючками. В гостиной их тоже ждал совсем не тот благородный антиквариат, к которому они привыкли. Старая чешская секция, отечественный доперестроечный мебельный гарнитур, хлипкий журнальный столик с потрескавшейся лаковой крышкой. Впрочем, чего еще требовать от интерьера съемной квартиры на окраине Москвы? Гости, присаживаясь в вытертые жесткие кресла, брезгливо морщились. Но потом все понимали правильно, даже без объяснений. Здесь обсуждаются весьма специфические вопросы. И чем меньше внимания привлекает человек, который ими занимается, тем лучше.

Однако в тот день удивляться пришлось самому хозяину квартиры.

– Борис Иванович Дремин? Меня просили вам передать это.

Рыжеволосая девчонка сунула ему в руки тяжелый пакет, и, смачно чавкая жевательной резинкой, прислонилась к стене.

Ее лицо, щедро расписанное косметикой, едва прикрывающая филейную часть мини-юбка и обнаженный живот с затейливым колечком в пупке вызвали у Бориса Ивановича лишь одну мысль. Эта вульгарная особа что-то перепутала, ошиблась адресом, видимо, нашла не того Дремина, который ей требуется.

– Я тута ждать ответа буду, – прочавкала девчонка. – Вам предложить чего-то хотят по антикиллеру... Или не по антикиллеру? Ну по чему-то «анти», короче.

Борис Иванович схватил малолетку за руку, засунул пакет в висевшую на ее плече оранжевую сумку и распахнул дверь.

– Вы ошиблись. Всего хорошего.

– Ничего я не ошиблась, – вытаскивая сверток, возмутилась она. – А, вспомнила. По антиквариату вам хотят кой-чего предложить. Во, антиквариат. Прикольно так!

– Уходите. И передайте тому, кто вас прислал, что я не веду переговоров с посредниками!

Раздражение Дремина становилось все сильнее. Уже не важен процент и условия предстоящей сделки. И так ясно, клиент, нанявший такого представителя, – полный кретин. С такими дел лучше не иметь. Любая прибыль не компенсирует свободы. А за решеткой оказаться в случае малейшей осечки проще простого.

Девчонка, явно выискивая, где бы сесть, недовольно хмыкнула. Покосилась, наморщив нос, на серую пыльную половую тряпку у двери. И присела на корточки, нимало не смущаясь и вовсе исчезнувшей юбки.

– А вот куда я отсюдова не пойду. Мне сказано ответа ждать, я и буду ждать. Хотите, прогоняйте, хотите, милицию вызывайте. Мне все равно, – выпалила она. И надула из жевательной резинки пузырь. – Не пойду отсюдова, вот и все дела.

В милицию не позвонишь, не хватало еще самого себя подставлять. Можно вытащить эту дуру из квартиры, но вдруг она завизжит? А потом орать под дверью станет? Тогда соседи обратят внимание, вопросы начнут задавать. Это лишнее. Ладно, придется посмотреть, что там притащила настырная малолетка. И отказаться, разумеется, от этого предложения.

– Хорошо, девушка, хотите ответ – будет вам ответ, – пробормотал Борис Иванович и, захватив пакет, прошел на кухню. Просмотреть по диагонали, в чем суть вопроса. И, делая вид, что размышляет над предложением, чайку попить. Обдумывать нечего, разумеется, все решено. С дураками работать – еще чего не хватало!

Конечно же, в документах речь шла об участии в аукционе на стороне продавца через использование дилерской схемы.

«Других клиентов у меня не бывает, – подумал Борис Иванович, пробегая глазами письмо. – Только так можно миновать обязательные экспертизы со стороны аукционного дома. Настоящие коллекционеры никогда не купят лот, выставленный дилером. Но в ходе торгов такие нюансы не афишируются, неопытных любителей старины хватает. Если даже они со временем выясняют, что приобретенный антиквариат не такой уж антикварный, претензии по качеству предъявлять полагается не устроителю аукциона, а дилеру. А его – то есть меня – уже и след простыл. Клиенту хорошо – впарил подделку за большие деньги. Мне замечательно – половина прибыли моя. И даже покупателю, если разобраться, в каком-то смысле неплохо. Негативный опыт тоже опыт».

– «Для реализации на аукционе предлагается изделие от Фаберже», – прочитал Дремин. И понимающе усмехнулся.

Опять Фаберже. Ну-ну, интересно, какой на сей раз.

Европейский? Первые качественные подделки начали создавать в Европе с середины 50-х годов, когда уровень развития фотографии позволил изготовить клейма, напоминающие клейма Фаберже.

Или американский? Американцы дотошны, их работа очень хороша. Губит лишь обилие императорских монограмм да двуглавых орлов. На настоящих изделиях Фаберже они редко когда встречались. Но американцам, тискающим свой флаг и статую Свободы везде, где нужно и не нужно, этого не понять.

А может, глупый клиент обладает почти «фабержевским» Фаберже? На изделия московских артелей тех лет, никогда не работавших с Фаберже, умельцы ставят фирменное клеймо. И при проведении экспертизы у таких предметов больше всего шансов быть проданными за хорошую цену. По качеству, технике, материалам и технологии никаких вопросов, вещь старинная. А авторство... Какой-то процент сомнений все равно остается относительно большинства вещей Фаберже. Полный архив не сохранился, мастеров на фирме работало много, кто что выпускал, точно проследить невозможно. К тому же фирма быстро стала популярной. В мемуарах есть сведения, что уже тогда в мастерские обращались с просьбой поставить клеймо на изготовленные другими ювелирами вещи. Несложно догадаться, что не все такие предложения отклонялись...

Борис Иванович достал из конверта фотографии. И озадаченно почесал затылок.

Не портсигар, не ваза, не часы.

Яйцо! И какое!

Сквозь горный хрусталь видна театральная сцена. Красиво. Эффектно. Элегантно...

А вот еще один снимок – занавес поднят, на сцене изящная фигурка балерины.

Великолепная имитация, вплоть до «сюприза»!

– Хм... по фото, конечно, ничего не скажешь, – прошептал Дремин, пристально вглядываясь в снимок. – Но если эта подделка хорошего качества, то продавать ее надо не в Москве, а в Европе. И стоит она может не намного дешевле императорских яиц, Фаберже всегда в моде и постоянно дорожает. И даже если экспертизы не дадут стопроцентной гаран-

тии подлинности, то все равно найдутся ненормальные коллекционеры или пижоны, которые купят «возможно, Фаберже». Речь идет о миллионах долларов!

Схема, которую сразу же придумал Борис Иванович, оказалась очень простой.

Клиент, нанявший вульгарную малолетку, – дурак. Надо увидеть вещь своими глазами и, если ее качество устроит, просто украсть подделку и скрыться. Скрываться не привыкать, так что если клиент даже обратится в милицию, то поиски успехом не увенчаются. Но он, скорее всего, жаловаться не станет, у самого рыльце в пушку. А выгодно продать яйцо в Европе напрямую в частную коллекцию, не афишируя сделку, достаточно просто.

Он уже собирался отправиться к девчонке и сообщить, что готов работать с клиентом. Но потом решил все же просмотреть другие бумаги. Их оставалось в пакете еще необычайно много.

Через полчаса у Бориса Ивановича не было сил даже подняться на ноги. Заколовшее сердце требовало валокардина, но дойти до холодильника казалось слишком сложной задачей.

Клиент, приславший малолетку, знал все. О недвижимости в Англии и Франции, о том, где учится сын, где живут жена и любовница. Сделки. Номера счетов. Все...

С учетом всей этой информации выход вырисовывался только один. Получить гарантии безопасности и сделать то, что требуется.

Глава 1

– Muele, Muele, wo bist du, boeser Hund?! – раздалось из-за высокого, аккуратно подстриженного кустарника. Женский голос становился все громче: – Muele! Her zu mir!¹

Карл подхватил на руки белого щенка с черной кляксой на морде и быстро зашагал к изгороди. Жаль, что этот чудный пес, похоже, принадлежит соседям. А он-то уже успел помечтать, как оставит собаку себе и светлый пушистый комок будет вихрем носиться по лужайке у дома папеньки.

– Muele!

Следующая фраза была произнесена слишком быстро. И пока Карл пытался мысленно разделить поток грубой немецкой речи на отдельные слова, из зеленой стены кустарника показались тонкие пальцы.

«Кусты вместо забора, – удивился он, выдергивая рукав сюртука из пасти собаки. – В Дрездене все по-другому, не так, как...»

Мысль оборвалась, ослепленная сверкающей медью.

– Muele! – обрадованно воскликнула возникшая среди зарослей рыжеволосая девушка. – Muele, da bist du!²

Она говорила что-то еще. Но Карл, невольно любуясь рыжими локонами и нежным, усыпанным веснушками личиком, понял только «спасибо».

– Guten Tag! Sprechen Sie bitte langsamer. Ich verstehe deutsch nicht besonders gut³, – старательно выговорил Карл, возвращая залившегося радостным лаем щенка хозяйке.

– Je m'appelle Martha. Vous tes francais?⁴ – спросила девушка и махнула рукой влево, где кусты, разделяющие участки, были менее густыми и высокими.

Карл сделал пару шагов и радостно улыбнулся. Как хорошо, что фрейлейн Марта говорит по-французски! Она такая милая, с ней хочется поболтать. Здесь ведь ему и словом перекинуться не с кем! Немецкий ужасен. А папенька непреклонен: дома не должно звучать ни единого словечка ни по-русски, ни по-французски. И вот все чаще приходится отмалчиваться, опасаясь запутаться в сложной немецкой грамматике. Но фрейлейн Марта знает французский! Можно обменяться парой фраз. К тому же соседка – прехорошенькая, куда лучше здешних барышень, кажущихся такими неизящными в сравнении с петербургскими красавицами.

– Non, je suis russe.⁵

Улыбка фрейлейн Марты мгновенно погасла, в янтарных глазах мелькнуло подозрение.

– Alors, vous n'etes pas le matre de la maison, vous tes juste un invite? Mon pare me disait que notre voisin s'appelle monsieur Faberge. Ce n'est pas un nom russe!⁶

Карл пустился в объяснения. Конечно же, он не гость и вовсе не воришка, как, наверное, могла подумать милая фройляйн. А сын хозяина дома. Его фамилия, естественно, тоже Фаберже, но вся их семья считает себя русскими. Предки родом из Франции, но когда нача-

¹ Мюле! Мюле! Где ты, вредная собака? Мюле! Ко мне! (нем.)

² Мюле! Мюле, вот ты где! (нем.).

³ Добрый день! Говорите, пожалуйста, медленнее. Я понимаю немецкий не очень хорошо (нем.).

⁴ Меня зовут Марта. Вы – француз? (фр.)

⁵ Нет, я русский (фр.).

⁶ То есть вы не хозяин этого дома, а только гость? Мне папа говорил, что наш сосед – месье Фаберже. Это же не русская фамилия! (фр.)

лись гонения на гугенотов, они вынуждены были бежать сначала в Берлин, потом в Пярну, а отец решил переехать в столицу России.

– Je suis ne Saint Petersburg. Mon pare a une joaillerie, – увлеченно рассказывал Карл. И внезапно замолчал, заметив, что фрейлейн Марта недоуменно хлопает светлыми ресницами.

– Parlez lentement s’il vous plat. Je n’ai pas eu l’occasion d’entendre le francais depuis longtemps⁷, – взмолилась девушка.

В ту же секунду они расхохотались, собака радостно тявкнула, а с крыльца раздалось громогласное папенькино:

– Peter Karl!⁸ Wir verspaeten uns!⁹

Карл торопливо попрощался с соседкой и заспешил к дому. Папенька строг. Только попробуй его послушаться – разворчитсЯ. К тому же они действительно могут опоздать. Паром через Эльбу ходит не часто, жди его потом.

«Здешний климат на пользу папенькиному здоровью, – подумал Карл, удовлетворенно глядя на посвежевшее лицо отца со щегольскими усами и небольшой бородкой. – Вот как громко на меня кричит. И не кашляет, вовсе не кашляет. Чахотка пошла на убыль. Но, конечно же, болезнь никогда не позволит ему вернуться в Петербург. А это значит...»

Он помрачнел. Отец не намерен больше заниматься делами мастерской. Пока всем ведают управляющие. Но так не может продолжаться вечно. Брат Агафон еще младше его. Значит, именно ему, Карлу, доведется продолжать папенькино дело. Придется с утра до ночи сидеть за верстаком, изготавливая глупые золотые броши и перстни с большими рубинами, хищно сверкающие алмазные кольца, тяжелые серебряные портсигары. Работа тяжелая. Работа скучная. Куда интереснее поехать хотя бы на этюды, попытаться поймать на холст лучи утреннего солнца, пробуждающего желтые осенние березы. Или и вовсе сделаться офицером – об этом мечтают все мальчишки в гимназии Святой Анны. Но разве у него есть выбор?

Когда Карл вслед за быстро шагающим папенькой добрался до набережной, грустные мысли исчезли. В конце концов, ювелирная мастерская – весьма отдаленная перспектива, на ювелира предстоит выучиться. Это еще через сто лет будет! А именно теперь перед глазами лежит чудесный город. Совершенно непохожий на Санкт-Петербург. Но не менее прекрасный. Просто другой...

Ступив на паром, Карл облокотился на поручень, и, прищурившись, стал прикидывать, как нарисовать Дрезден.

Понадобится, конечно, палитра теплых красок. Красные черепичные крыши. Золотом выписаны флюгеры. Желтоватая Эльба, не серо-синяя, как Нева, а желтоватая. И вот эта стремительно приближающаяся теперь цепочка серых домов – она тоже другого оттенка, с легкой дымкой бежевого, теплого.

Дрездену легко быть теплым. Над ним высокий шатер синего неба. И солнце, как печка, протапливаемая хорошим слугой, пылает щедро, не ленится. Конец октября – а тепло, как летом, запросто еще можно выходить без пальто.

– Das Museum ist in einem Schloss untergebracht, wo auch heute Kurfersten Sachsens wohnen. Stelle Dir vor, welches Aufsehen dessen Eroeffnung Anfang Achtzehnter Jahrhundert hervorgerufen hat!¹⁰ – донесся до Карла голос папеньки.

Юноша встрепенулся:

⁷ Говорите медленнее, пожалуйста. У меня давно не было возможности слышать французскую речь (*фр.*).

⁸ Знаменитого ювелира, крещенного, согласно традициям семьи, как протестанта, звали Петер Карл Фаберже. Однако впоследствии он, на русский манер, представлялся Карлом Густавовичем

⁹ Петер Карл! Мы опаздываем! (*нем.*)

¹⁰ Музей находится в замке, где и сегодня живут саксонские курфюрсты. Представляешь, какой фурор произвело его открытие в начале XVIII века! (*нем.*)

– Ja-ja, das ist wirklich bewunderswert!¹¹

Когда извозчик доставил их к большому песочному особняку с узкими окнами, Карл решил, что папенька неправильно назвал адрес.

Замок? Тот самый «Grenes Gewoelbe»¹². Здесь живут курфюрсты? В этом скромном с архитектурной точки зрения здании? Да быть такого не может!

Папенька дернул Карла, застывшего, как изваяние, за рукав сюртука. И, поправив черную шляпу, бодрым шагом направился к фасаду.

Значит, и правда замок. Точно музей. Вот и служитель. Отец приветствует его, словно старого знакомого, покупает билеты.

«Grenes Gewoelbe». Но своды, судя по названию замка, прежде бывшие зелеными, теперь окрашены в белый, украшены тонкой лепниной. Причем какие это своды! Потолки плавно стекают в многочисленные отделанные зеркалами колонны. И поэтому зал кажется огромным причудливым атласным дамским платьем, которым играет шаловливый ветер.

Неимоверно волнуясь, Карл приблизился к стеклянной витрине у стены и не смог сдержать возглас восхищения.

– Дивные, дивные кубки горного хрусталя в золотых оправках! Папенька, они же восхитительны!

– Sprich deutsch!¹³ – довольно улыбнулся отец, оправляя короткую бородку.

Папенька, кажется, пояснял, что это миланская работа, но Карл, задыхающийся от сияющей красоты, его почти не понимал.

Рядом с кубками из горного хрусталя находилась витрина с невероятными кубками в виде страусов, изготовленными из страусовых яиц, искусно оправленных в серебро.

Кубки из кокосовых орехов, из раковин моллюсков, из слоновой кости. Оправа – золото, золоченое серебро, просто серебро.

Но как это тонко, как искусно, завораживающе прекрасно!

Перемещаясь к витрине в центре зала, Карл мельком увидел свое отражение в зеркальной колонне и покраснел. Высокий худощавый юноша, как всегда, выглядел чуть старше своих пятнадцати лет, но плакал, как младенец. Из больших круглых голубых глаз ручьями лились слезы! Слава богу, что папенька, отвернувшись к витрине со шкатулками, не видел этого позора: в зеркальной колонне отражалась его спина...

«Перейду в другой зал», – подумал Карл. И, клятвенно обещая себе посмотреть потом искусно инкрустированные изумрудами каминные часы и золотые кофейные сервизы, на цыпочках проследовал к двери.

Важный смотритель снисходительно ему улыбнулся. Карл отвернулся, достал платок, собираясь стереть глаза, и замер.

За витриной, у которой он оказался, находился совершенно непримечательный маленький предмет. Круглый темный камушек, которых полным-полно на любой улице. Ну, может, очень правильной формы, совершенно круглый. И сбоку к стеклу витрины крепилась обычная лупа, только без ручки.

Заинтригованный, Карл в нее заглянул, и...

«Это не камушек. Это, похоже, вишневая косточка. Это, это, это...»

Его мысли путались. С вишневой косточки прямо Карлу в лицо взирала толпа людей.

«Десять... тридцать пять... сто... сто восемьдесят», – педантично считал он, а потом, уже почти закончив, сбился.

¹¹ Да-да, это удивительно! (нем.)

¹² «Зеленые своды» (нем.).

¹³ Говори по-немецки! (нем.)

Да и как не сбиться под пристальными взглядами такого множества лиц. Лиц разных, примечательно разных! Мужских и женских. Детских и старческих. Веселых, грустных, искаженных злобой, светящихся от радости.

Они все смотрели на Карла.

Вырезанные – господа, да как такое возможно?! – на крошечной вишневой косточке!

«Любой материал – лишь оправда для истинного мастерства», – подумал Карл, почему-то проваливаясь в мягкую теплую ночь.

Сначала в ней царила полная темнота, густая и чернильная.

Внезапно серебристое свечение ввинтилось в нее плотным коконом.

Ввинтилось, завертелось. Стало таять, делаясь полупрозрачным.

Невидимый фокусник вдруг как одернул легкую ткань.

И великолепный цветок ландыша в прозрачном стакане засиял настолько ярко, что темнота исчезла.

Цветок прекрасен и свеж! От жемчужных, окаймленных осколками алмазов цветков, кажется, исходит нежный прохладный аромат. Золотой стебель и нефритовые листья выглядят настолько естественно, будто ландыш сорван в лесу. Но прекраснее всего стакан из горного хрусталя. Ведь в нем видна даже полоска воды, в которую погружен ландыш.

Вода, вода...

Дивное видение исчезло.

Карл вдруг осознал, что лежит на полу, папенька брызгает на него водой, затекшей уже и за ворот сорочки.

– Я буду ювелиром, папа, – пробормотал Карл, осторожно приподнимаясь и оправляя задернувшийся сюртук.

– Конечно, мы же об этом давно договорились, – облегченно выдохнул отец, протягивая руку. А потом хитро подмигнул:– Aber wir werden zur Zeit miteinander nur deutsch sprechen!¹⁴

* * *

Мне повезло унести на память
Запах любви на своих губах.

«Поскорее дотянуться до магнитолы. Выключить эту песню, скорее. Слишком болезненные воспоминания с ней связаны».

«Попытаться пробиться к бордюру, включить аварийку. Слушать-слушать-слушать. В его голосе прошлое и будущее. Мое, наше и уже навсегда соединенное».

Нога журналистки и писательницы Лики Вронской резво перескакивала с педали тормоза на педаль газа. Рука потянулась к выключателю магнитолы, потом вдруг щелкнула по поворотнику. И внезапно прервала музыку, но сразу же салон вновь наполнился песней.

В конце концов Ликино тело, сбитое с толку совершенно противоположными заданиями, аккуратно остановило голубой «Форд» на обочине.

Тело глупое.

Голос льется из динамиков, а парня у микрофона больше нет, и никогда не будет. Но телу все равно, оно горит в пламени воспоминаний.

Бежать,

¹⁴ Но говорить мы с тобой будем пока только по-немецки! (нем.)

Не открывая глаз,
Не разбирая фраз,
Медленно умирая,
Знаю...

«Он знал, он предчувствовал, – ужаснулась Вронская, прижимая к пылающим щекам ледяные ладони. – Он появился в моей жизни, чтобы спасти меня. Он умер, чтобы я жила».

...В этом городе концентрация безумия давно размыла рамки логики и здравого смысла. В нем так легко замерзнуть от одиночества. Чужие губы почему-то становятся просто глотком жизни. Очагом. Пройдешь мимо – окоченеешь. Ни равнодушный Медный всадник, ни свинцовая закупоренная в гранит набережных Нева не будут испытывать жалости и сочувствия. Привыкли. И не такое видели.

Но, кроме промозглого питерского ветра, было множество других причин согреться в объятиях Влада Резникова. Эффектная внешность, отличная фигура. А с каким вкусом он одевался! Музыкант выбирал свои джинсы и свитера тщательнее, чем некоторые девчонки, и получал от этого удовольствие. Он обладал чувством юмора, хулиганской улыбкой и... Еще в его синих глазах плескались теплые волны, отчаянно пытавшиеся догнать солнечные лучики. В них безумно хотелось искупаться. Но Лика всегда старалась удрать.

Ну что это такое? Приехала в Питер для пиар-мероприятий по продвижению нового романа, а вместо этого отвлеклась на личную жизнь. Просто неуважение к бренд-менеджеру Ирине, которая с ног сбилась, устраивая презентации и интервью. К тому же это было подло, потому что у Влада имелась девушка. И – самое главное – это казалось абсолютно бесполезной тратой времени. Ведь Влад слыл тем еще Казановой. И не стоило пополнять длинный список наивных барышень, свято веривших, что любой Казанова мечется по жизни лишь в поисках своей единственной и неповторимой. И только найдет – сразу уgomонится и начнет вести себя прилично. Как же, как же! Таких парней привлекает сам процесс. Не качество, а количество. Воспитанию они не поддаются. Их надо просто обходить стороной. И чем быстрее, тем лучше.

Вроде бы рассудок Лики честно пытался притормозить развитие ненужных отношений. А когда обжигающее мускулистое тело Влада все же было перецеловано целиком и полностью, Лика обвинила в этом холодный Питер. Или свои тридцать лет. А вдруг у нее настал тот самый кризис среднего возраста? Желание если не поймать иссякающую молодость, то хотя бы ее вспомнить? Те безумные студенческие ночи, приносившие с рассветом страх и недоумение, потому что даже если примерно предполагалось, кто сопит на соседней подушке, то почему именно он и как все это случилось, осознать было невозможно.

Не Питер.

Не старость.

Инстинкт самосохранения, как оказалось.

Если разум подсказывает одно, а сердце другое, то чаще всего полезно прислушиваться к сердцу. Подсознание умнее логики. Рассудок анализирует имеющуюся информацию, подсознание видит и будущее.

Но лучше бы не было этого пронизательного сильного подсознания. Жизнь, за которую заплачено жизнью другого человека, превращается в ад...

После смерти Влада¹⁵ первой реакцией Лики был шок. Сменившийся короткой вспышкой радости.

¹⁵ См. книгу О. Тарасевич «Роковой роман Достоевского».

Родители, издательство, шум машин и даже воняющий бензином воздух – все это так важно, ценно, прекрасно. Оно останется, не исчезнет. Порог смерти не перейден. Какое счастье!

Но это состояние длилось лишь мгновение. Потом пришел стыд. У Влада больше ничего не будет. Никогда.

В этом «никогда» мучительное бессилие. Одна секунда, жест, фраза – и катастрофы бы не произошло. Но ничего не исправить. Красивый, молодой. Гроб, стук земли по крышке. Холмик, крест с именем. Все.

Время – плохой доктор. Чем больше его проходило, тем хуже становилось Лике.

Надо выслать в издательство синопсис нового романа. Надо подготовить статьи для газеты. Надо... хотя бы отвечать на телефонные звонки. Ходить в магазин за продуктами. Гулять с собакой, не только выводить ее после долгого воя на газон возле дома, а гулять по часу.

Но сил делать хоть что-нибудь у Лики не было. Утро стало как-то очень быстро превращаться в ночь. А ночь еще быстрее становилась утром. И это казалось особенно мучительным, обещало очередной выстуженный болью и отсутствием смысла день.

Все чаще тошнота мучительно сдавливала желудок или вовсе выворачивала его наизнанку. «Все-таки мой организм отвык от никотина», – думала Лика, не курившая больше трех лет. И дымила. А какое здоровье? Зачем? Бессмысленно продлевать мучительное существование...

Переполошившаяся из-за астрономического числа неотвеченных вызовов подруга Маня все поняла еще на пороге Ликиной квартиры.

Пару секунд она вглядывалась в лицо Вронской, а потом пробормотала:

– Лика, а ты, кажется, беременна. Ты себя в зеркале видела?

Отражение оказалось бледно-зеленым, но...

«А Маня права, – с удивлением подумала Лика. – Черты стали какими-то другими. А грудь как увеличилась! Да еще и тошнит. Надо вспомнить, когда были месячные».

– После своей беременности я женщин в положении узнаю мгновенно. Даже не знаю, как это описать. Во взгляде что-то особенное появляется. Лик, пошли к врачу, что ли! – воскликнула Маня. – А ребенок... Влад?

Лика молча кивнула.

В темной комнате жизни сразу вспыхнул яркий свет.

Только бы все подтвердилось! Это же будет значить, что Влад вернется, продолжится, снова станет жить...

...Каждое слово хранится в памяти.
Может, случайность, а может, знак.
Пальцы выводят имя на скатерти
И недосказанность прячут в кулак.
Боль не уходит, ломаю спички,
Скорость падает до нуля.
Сотни людей, а мне безразлично.

Еще один день прошел без тебя.¹⁶

– Это была песня лидера хит-парада нашей радиостанции Влада Резникова, – бодро залопотала ведущая. И Лика сразу же выключила магнитоу.

¹⁶ Автор текста – Владимир Кубышкин.

Бедный Влад... Его песни пользовались популярностью, но такого ошеломляющего успеха он уже не застал. Смерть часто озаряет творческих людей славой и признанием. Ну и зачем они тем, кто уже лежит на кладбище?

– Так, хватит рефлексировать, – пробормотала Лика, поглаживая еще совершенно плоский живот. – Мне нельзя волноваться. И вообще, я, кажется, прилично опаздываю. Шумные корпоративные вечеринки – не лучшее место для будущих мам, но что делать. Редакционную новогоднюю тусовку пережила, пара часов мучений – и корпоратив в издательстве тоже пройдет. Вообще, как-то рано в этом году все организуют, начало декабря – а приглашений уже куча. Что ж, раньше сядем – раньше выйдем.

* * *

Уже в гардеробе филармонии Моцарт затосковал. На нем отличный темный костюм и белоснежная рубашка, а ботинки сверкают так, что можно ослепнуть. Его прикид совершенно не отличается от шмоток хотя бы вон того мужика, помогающего снять шубку красивой дамочке с копной непослушных русых кудряшек. Но все равно не избавиться от ощущения, что все разглядывают его в упор.

Разглядывают.

Естественно.

Блатную жизнь и пятнадцать лет на зоне с лица не сотрешь. Все это впечаталось в изрезанный морщинами низкий лоб. Щедро присыпало солью седины черные волосы. Зажгло в глазах вечный огонек настороженности. И вот с таким-то рылом – как говорится, в калашный ряд. Но ради стремительного полета симфонического оркестра можно смириться с компанией людей, напоминающих холеных зажавшихся домашних котов.

Сдав пальто, Моцарт быстро впитал в себя вихрь запахов духов, и звенящие обрывки разговоров, и едва слышные всхлипы скрипки. Тело осталось скованным и напряженным, но сигнала об опасности не послало.

До начала концерта было больше сорока минут. Моцарт поморщился, невольно вспомнив расплотившиеся на проспектах и улицах выводки машин, заставляющие выбираться из дома за полдня до нужного времени. И направился по стрелочке с надписью «Буфет».

Пятьдесят граммов коньяка быстро реанимировали напряженный организм. Моцарт сделал глубокий вдох и с любопытством уставился в программку. «Ave verum corpus», «Kyrie in D minor» и еще пара произведений поминальной музыки. И только потом Requiem. Очень правильно. Другой порядок был бы странным. После «Requiem» любая музыка даже самого гениального композитора Вольфганга Амадея Моцарта уже не нужна.

– В-вы позволите?

Моцарт изумленно вытаращился на стоявшего перед ним... Цыпленка. Девушка в сером пиджачке и длинной черной юбке выглядела хрупкой и испуганной. Тоненький острый носик придавал ей отдаленное сходство с птичкой. Чашка чаю, блюдечко с пирожным, соскользнувшая на локоток-крылышко сумочка. Бедняжке больше негде примоститься, все жердочки, то есть столики, заняты.

Моцарт, поражаясь собственному умилению, молча кивнул. Белокурый Цыпленок выглядит крошечной и изящной, как статуэтка. Еще расколется, в натуре, от прокуренного сильного голоса.

– Спасибо, – чирикнула девушка, присаживаясь на краешек стула.

«Музыкантша? Училка? – прикидывал Моцарт, невольно любуясь неправильным, но добрым и свеженьким личиком. – Наверное, она не замужем, живет с мамой. И по вечерам играет ей „Лунную сонату“. Милая, робкая, мухи не обидит».

Милая, робкая.

Она его уничтожила мгновенно.

Промокнув бледные, не накрашенные, что ли, губы салфеткой, вдруг выстрелила прямо в сердце:

– Из «Requiem» мне больше всего нравится «Confutatis»¹⁷. Все поражаются эмоциональности «Lacrimosa»¹⁸, но я думаю...

Что она думает – Моцарт уже не слышал. Во рту почувствовался соленый привкус крови, на горле – холодные пальцы смерти, в наспигованной свинцом груди запылал пожар...

...Его бригада, волковская, «крышевала» Андрея Захарова правильно, по понятиям, с полным на то основанием.

Захаров шустрый, ловкий. Быстро просек ситуацию, сориентировался в перестроечном дефиците шмотья. Наладил поставки ткани, организовал цех в Подмоскovie, нанял швей. И по адидасовским каталогам стал клепать свой «Адидас». В этих костюмах ходили тогда все, в том числе и братва. Захаровские точки на вещевом рынке быстро привлекли внимание волковских. На «стрелке» Захаров говорил, что уже платит процент подмосковным. Но ему четко все разъяснили. «Крыша» по месту размещения производства – одно, расчет на точке продажи – совсем другое. А подмосковных они перестреляли под каким-то предлогом. Там и разбираться было не с кем: не бригада, название, малолетняя шпана.

Захаров оказался не только шустрым, но и понятливым. В назначенный день пацаны привезли от него сумку с бабками, все чин чинарем.

Платил Андрей исправно, не зарывался. Не выпендривался, когда ему увеличивали размер дани. Надо полагать, просекал – коль дело спорится, доходы растут, то и на «крышу» надо отстегивать побольше. Тем более что прикрывали его честно – и от ментов, норовивших также получить процент с прибыли, и от братвы, рот на чужой каравай раззявившей.

Что его «кинет» именно Захаров, Волк и предположить не мог. И даже тогда, когда волковских стали выкашивать безо всяких объяснений, подозревал в подставе кого угодно, но не Андрея.

А этот козел оказался изобретательным. Объединил свой кооператив с кооперативом Виктора Паничева. Тот джинсы «варил» и тоже на вещевом рынке точки имел. Правда, не на том, что волковские контролировали. «Крышевали» Паничева пацаны Героина. Полные отморозки. Никаких предьяв, никаких «стрелок». Чуть что им не по нраву – волну выхватывают и давай палить.

Волк бы в сторону отошел, если бы быстро просек ситуацию. По понятиям, конечно, надо было разборки клеить. Договариваться, кому соскочить, кому остаться и на каких условиях. Но даже «законники» советовали с Героином не связываться. Разбираться надо с теми, у кого мозги есть. А Герыч и его пацаны свои мозги давно наркотой спалили. С ними не разбирались, их периодически отстреливали. Только Гера, сукин сын, живучим оказался, ни пули шальные его не брали, ни наркотики поганые. Волк, без базара, отошел бы в сторону, и лица не потерял, и бригаду свою сохранил. Но упустил время, схоронил несколько своих людей. При таком раскладе выход оставался один – война с Герычем. Иначе по другим бригадам чуйка пойдет, что волковские варежкой щелкают. Велика Москва, а сладких мест все равно на всех не хватает. За вещевой рынок биться имеет смысл. В войне с несколькими бригадами выиграть сложнее, чем с одной, даже «отмороженной».

¹⁷ Часть секвенции «Реквиема», в которой картины адских мук сочетаются с мольбами о снисхождении.

¹⁸ Часть секвенции «Реквиема» Моцарта, плач по восстающему из праха для последнего суда человеку. По мнению музыкальных критиков, это самая печальная мелодия из всего мирового наследия композиторов.

Волк планировал устроить Героину и его пацанам чисто конкретное честное мочиловое, но тот его опередил. Собравшиеся в своем любимом кабаке волковские, «перетиравшие» житье-бытье, в том числе и планы по устранению Геры, даже сообразить ничего не успели. Свинец полился сразу, отовсюду. Палили из входа в отдельный зал, где гуляла бригада, из окон. Сразу поймавший пулю-дуру Волк, падая, все пытался вытащить из кобуры «стечкин», но немеющие пальцы не гнулись.

– Тихарись, Волк! Стол! Живо! – вдруг заорал его охранник Васек, разряжая в мелькнувшую в окне лопухую бритую башку половину обоймы.

Боковым зрением Волк успел увидеть, как, словно при замедленной съемке, через зал летит граната. И бросился под стол, рывком – откуда только силы взялись – оттолкнул от себя крышку, чтобы перевернулась тяжелая махина, хоть как-то защищая от осколков. Как звенели бутылки и тарелки, Волк уже не слышал. Все взорвалось, грохнуло, погасло...

Следующая мысль. Простая, но совершенно не пугающая.

«А я, пожалуй что, умер. Я умер, и бог отправил меня в рай».

Быть мертвым Волку очень понравилось. Смерть – это свет, сменяющийся легкой полутенью, это тепло, переходящее в прохладу. Смерть красива и совершенна. Ее бояться не надо, так как она открывает дорогу к чистому белому снегу, ждущему, принимающему и очищающему...

Он только успел осознать все это, как во рту заплескалась солено-горькая кровь, а боль запустила когти в грудь и резко выдернула свои лапы.

Собственный стон, вырвавшийся из окровавленного рта, показался Волку невыносимым, хуже скрипа ногтя по стеклу, отвратительнее визга плохо смазанной двери. Потому что он портил доносившуюся из глубины общего зала негромкую божественную музыку.

Слух и голос у Волка вроде бы имелись, пацаны слезу пускали, когда он на гитаре лабал «А помнишь, девочка, гуляли мы с тобой». Но это, конечно, так, для баловства. Никогда он музыкой не интересовался, другие дела всегда были важнее и серьезнее.

Но в тот момент... Он все сразу быстро понял. Звучит какая-то классика. И она невероятна, божественна. Это она была тем светом и полутенью, теплом и прохладой. А теперь... ледяной водопад инструментов и голосов сплетается в последних страшных объятиях... не вырваться из них... или все же спасение возможно?

На лице стало непривычно тепло и мокро. Волк сначала испугался, а потом разозлился.

Ерунда какая-то!

Мало того, что плачет, как баба. Так еще и отвлекается, когда звучит такая музыка, кошунствует.

А потом он вдруг различил сквозь слезы дрожавший, неотвратимо приближавшийся женский силуэт в белых длинных одеждах.

И закрыл глаза, чтобы не видеть надвигающуюся, безмолвную, ужасную в своей реальности смерть. Чтобы подольше побыть со смертью, прекрасной, звучащей.

В музыке слышалась надежда.

В приближавшихся шагах ее не было.

Его спас «Confutatis». То есть в тот момент Волк еще не знал, что это «Confutatis», это стало ясно позднее, когда он прочитал все, что нашел о Моцарте и «Requiem». Тогда просто отчаяние неимоверного напряжения так ударило по остаткам и без того растерзанного тела, что Волк понял одно. Надо жить. И он будет жить! Чтобы узнать, что это такое звучит сейчас. Рай, ад, ток, вырванное облакканное сердце, замирающее дыхание, и слезы, и слезы.

Милиция и врачи приехали одновременно, под мелодию «Domine Jesu».¹⁹

¹⁹ Часть оферториума «Реквиема» Моцарта.

Господи Иисус Христос, Царь славы,
Освободи души всех верных усопших
От мук ада и бездонного озера.
Освободи их от пасти льва,
Дабы не поглотил их Тартар
И не пропали они во мгле:
Но предводитель святой Михаил
Да введет их в священный свет,
Который Ты некогда Аврааму обещал
И потомству его...

Русский перевод латинского текста, точное знание тональностей, инструментов. Он обещал себе все это понять, изучить каждый звук, научиться различать голоса хора, слышать кларнеты, фаготы, тромбоны. Он обещал себе жить...

– Надо же, а сердце ведь бьется, – удивился врач, нащупав пульс на руке Волка. – При такой-то кровопотере!

Он был жив, он жил. Благодаря непостижимой музыке, прогнавшей смерть. Бросавшей его, как щепку, в океане отчаяния и надежды.

Шок, восторг и благоговение были так сильны, что первым делом Волк попросил у своего адвоката:

– Ты мне узнай, что это за классика такая, в натуре. Грустная, аж сердце щемит.

И только потом поинтересовался, какие «кренделя» вешает на него следак.

В СИЗО Волк сидел в одиночке, подмазал кому следует. А на зоне уже те, кому было позволено с ним не только разговоры разговаривать, но и шутки шутить, ерничали:

– Какой ты Волк, ты – Моцарт.

Он злился, откладывая книгу:

– Пацаны, вы чего, где я и где Моцарт?

Сначала ему надоело огрызаться, а потом он привык. «Пятнашку» ведь ему дали. Причем только благодаря толковым адвокатам. По таким статьям, как у него, тогда еще в расход пускали. А откупиться не вышло, опоздал. Герыч хоть мозги наркотой спалил, а скумекал живо, заплатил кому надо первым. И потом любая сумма уже никакой роли не играла. Что, менты и судьи сами себе враги – Героина «кидать»? А за «пятнашку»... Да, в общем, наверное, за такой срок точно ко всему привыкнуть можно. Даже к «погонялу», на которое права не имеешь. И никто не имеет, а, по совести говоря, молиться надо на это имя...

... – Второй звонок уже, – Цыпленок осторожно коснулась его плеча. – Извините за беспокойство, но я вижу, вы задумались.

Моцарт окинул быстрым взглядом хрупкую фигурку. Спыхватился: надо спрятать заметно дрожащие после ранения руки, хотя бы и за спину. А еще прикинул, что испорченные на зоне зубы ему недавно подправляли аж два врача одновременно, поэтому можно улыбнуться. Но Цыпленок все равно испуганно отшатнулась. «Хрен с тобой, Цыпа-задрипа, – обиделся Моцарт. – Сам не понимаю, чего я на тебя так запал. Мне есть чем заняться, кроме баб. Андрей Захаров, интересно, ждет? Знает, что „откинулся“, боится? Или забыл? Он же сейчас крутой бизнесмен, вон как поднялся, в газетах про эту мразь пишут. Но ничего, скоро другое напишут. Я уничтожу все, что он сделал, все, что ему дорого. Пятнадцать лет от звонка до звонка. В Москву приехал, а кажется – на другую планету, в натуре, все так изменилось. А я что видел? Камеры, бараки и вертухаев. Но ничего. Я с тобой еще поквитаяюсь, мразь...»

* * *

Увидев свободное место на парковке недалеко от комплекса «Охотный Ряд», Полина Калинина резко нажала на педаль тормоза. Темно-синий «Porsche Cayenne S» остановился в ту же секунду, и сзади истошно запищали автомобили.

– С целым бампером ездить надоело? Дура! Тачкой муж обеспечил?! Скажи, чтобы мозгов еще прикупил! – выругался, притормозив рядом, курносый мужик в надвинутой на глаза черной вязаной шапочке.

Полина виновато вздохнула вслед умчавшемуся авто. У «Porsche Cayenne S» очень чувствительные тормоза. К таким, всю жизнь проездив за рулем стареньких российских машин, надо привыкнуть. Сложившиеся автомобильные навыки действительно провоцируют аварийные ситуации. Не следует давить на тормоз так сильно, «Porsche» – не «Жигули», останавливается и срывается с места мгновенно.

«Было бы обидно повредить машину подруги, – подумала Полина, заглушая двигатель. – И надо научиться тормозить не так резко, ведь через пару недель я уже буду за рулем новенькой „Mazda“!»

Она покинула светлую, пахнущую кожей пещерку машины, щелкнула сигнализацией и заторопилась к входу в торговый центр.

Витрины бутиков, переливающиеся разноцветными новогодними огнями, отразили высокую светловолосую девушку в стильной короткой дубленочке и черных ботфортах. На секунду Полина опешила: она, это правда она! О такой прекрасной одежде, лучшем парикмахере и люксовской косметике никогда даже не мечталось. И вот полужеркальное стекло, кто бы мог подумать, кажется обложкой глянцевого журнала. И эта обложка, картинка, красавица – она сама, собственной персоной!

Полина довольно улыбнулась, но мерзкая память мстительно окатила ее помоями кислых детдомовских запахов, эхом визгливых голосов воспитательниц и горечью разочарований.

Вспомнился и скромный подарок, который давали в детдоме.

Три шоколадные конфеты, «Лимонные», в желтых обертках. Им слишком тесно на детской ладошке. К тому же медлить опасно, иначе старшие девчонки, улучив момент, когда воспитательницы отвернутся, отберут лакомство. Жаловаться нельзя, плакать бессмысленно – ничего не исправишь, а потом, ночью, еще и получишь пару тумачков. Так что хорошо бы скорее его в рот, подтаявший шоколад с самой вкусной кисленькой начинкой. Но вместе с тем хочется и продлить радость, чудо, счастье. Подарок. Настоящий новогодний подарок! Наверное, мама тоже в Новый год угощала бы именно такими конфетами, ведь вкуснее их ничего нет. Но мамы нет. А ладошка уже пуста. Крепко сбитая девчонка, как ветер, пронеслась мимо, схватила конфеты. Вместо сладкой радости рот полон горько-соленой обиды...

– Вам помочь?

Полина недоуменно уставилась на миловидную брюнетку в белоснежной блузке. Вот ведь как она задумалась, даже не заметила, как зашла в магазинчик!

– Это новый аромат, очень интересный. Вам нравятся сладкие или свежие запахи? – продолжила девушка, щедро орошая из тестера полоску бумаги. – Если вас интересуют именно новинки, еще новые ароматы представили Diog и Lancome...

Нежная ванильная волна позволила Полине окончательно прийти в себя, выключить воспоминания о безрадостном детстве, залюбоваться ровными рядами флаконов и яркими стендами с декоративной косметикой.

– Меня интересует эксклюзивная и дорогая парфюмерия, – чуть покраснев от смущения (эх, на-учиться бы свысока, как Светка, общаться с продавцами!), сказала Полина. –

Этот сладкий аромат мне лично очень понравился, но я выбираю подарок подруге. А для нее прежде всего имеет значение цена – чем выше, тем лучше.

Консультант понимающе улыбнулась:

– Давайте пройдем к той полке. Самая дорогая и редкая парфюмерия!

А Полина, мысленно уже купив духи для Светы, терзалась сомнениями, что же приобрести для Андрея Захарова.

«Людам, у которых есть все, очень тяжело выбирать подарки, – подумала она, изо всех сил стараясь не расчихаться от щекочущих нос запахов. – Тяжело, но приятно. Светка и ее муж столько для меня сделали!»

Как ни странно, подарок для Андрея нашелся быстро. Полина, расплатившись за духи и выйдя из «Арбат Престижа», замерла у витрины соседнего павильона, торгующего сувенирами.

Этот стильный письменный прибор, казалось, был создан для кабинета Андрея. Необычно светлое малахитовое основание идеально гармонировало с серебряной панелью, где в миниатюрную нефтяную вышку были вмонтированы часики. У Захарова в кабинете стоял похожий прибор, но без часов, и малахит соседствовал с золотом. Это был единственный желтый штрих в зелено-стальном интерьере. Конечно же, Андрей с радостью вытащит эту занозу. Он – эстет, у него идеальное чувство цвета. Даже странно, что он раньше не распорядился на этот счет. Новый прибор для письменного стола его обрадует. И эти часики – нефтяная вышка, как на заказ! Света говорила, что муж мечтает расширить бизнес, заняться добычей нефти!

Цена сувенира оказалась меньше, чем Полина предполагала потратить на подарок для Андрея Захарова. Поэтому девушка еще час бродила по бутикам, то рассматривая экстравагантное розовое шифоновое платье, то примеряя облегающий серебристый топик. Но полностью опустошить кредитку не удалось. Чем больше симпатичных одежек идеально садилось на худенькую фигуру, тем сильнее Полина хмурилась, понимая: на самом деле ей хочется абсолютно другого. Не платья, не новых духов, не сумочки от Chanel. Это досадно, обидно, больно, но... Да. Да-да-да. Конфеты «Лимонные». Целый килограмм. И обязательно – в желтых обертках.

«Я точно дура, – разозлилась на себя девушка, оглядываясь тем временем по сторонам в поисках продуктового отдела. – Так, здесь у нас мороженое, этажом ниже – суши-бар, кофейня, все не то! Ай, ладно, куплю конфеты в супермаркете возле Светкиного салона. Хотя там же такие цены... А что, если отъехать от центра? В магазинах за Садовым кольцом все в три раза дешевле!»

Она шла с дорогими подарками к машине, которая, как говорила подруга, стоила больше двухсот тысяч долларов, и думала о том, что себя не обманешь. Внешне можно превратиться в роскошную преуспевающую даму. А внутренне все равно останешься детдомовкой, которую жаба душит переплачивать за какой-то килограмм конфет пару лишних рублей.

Погруженная в свои мысли, Полина не заметила, как вслед за «Porsche Cayenne S» с места тронулась неприметная грязно-белая «девятка»...

* * *

«Трех девочек из присутствующих в этом ресторане на первый взгляд определенно можно разик трахнуть», – решил Андрей Захаров, быстро пробежав глазами по столикам.

И приступил к более детальному рассмотрению.

Ничего такая рыжуля через проход сидит – высокая, худенькая, правда, сиськи маленькие. Но в общем и целом ништяк.

Блондиночке за тем же столиком с сиськами повезло, натуральный третий номер. Что не силикон – это хорошо. Лежать на бабе с силиконовой грудью удовольствие ниже среднего. Но блондиночка чуть толстовата, конкретный такой сорок шестой размер.

Еще у нас есть шатенка, через один столик, шампанским накачивается. Шатенка, похоже, по телу оптимальный вариант. Сиськи большие, ноги вон видны, длинные. Но, блин, что у нее за лицо! То есть нет, даже не лицо, а выражение лица. Крыса какая-то, надутая и недовольная. Может, это от недотраха, а после секса разулыбается? А если нет? Ой, да ну ее, пусть дальше сидит в одиночестве, коза мрачная.

«Берем блондинку, – резюмировал он свои размышления. – Личико ангельское, улыбка что надо, сиськи большие. Ну толстовата и толстовата. Не все ж моделей трахать. Писательниц у меня, кстати, еще не было. Ой, блин, а если они болтливые, как телеведущие?! Я же типа женатый мальчик».

– А сейчас от нашего издательства мы хотим вручить диплом успешному бизнесмену, совладельцу компании «Pan Zahar Group» Андрею Захарову! – зазвенел со сцены восторженный голос дамы в элегантном черном платье. – Этот человек не просто создал предприятие, которое производит самые лучшие безалкогольные напитки. Он активно занимается благотворительностью! И мы очень благодарны ему за помощь в издании антологии поэтов Серебряного века в роскошном оформлении, которая будет продаваться за символическую цену, намного ниже себестоимости. Такая книга доставит удовольствие ценителям поэзии, ее смогут приобрести библиотеки! Пожалуйста, Андрей Владимирович, прошу вас!

Захаров, поднимаясь из-за стола, пытался улыбаться. С раздражением понимая, что выходит это у него хреново, потому что в многочисленных прожекторах чужих взглядов ему всегда становится как-то не по себе.

«Будь моя воля, никогда не ходил бы на такие тусы, одни понты и никакого удовольствия, – злился Андрей, быстро пробираясь между столиками. – Скорее цапнуть диплом, склеить блондинку и свалить на фиг».

Но дама свою бумажку в рамочке отдавать не спешила. Решила вначале пообщаться:

– Скажите, Андрей Владимирович, а вам нравится заниматься благотворительностью? Ведь все-таки, согласитесь, мир бизнеса обычно далек от таких широких жестов. Люди предпочитают покупать «Челси», а не помогать соотечественникам!

«Не ржи, только не ржи, – приказал себе Андрей, ожидая, пока представительница издательства закончит свое выступление. – Говорить, что на „Челси“ бабок не хватает, тоже не надо. Стану миллиардером, чего-нибудь замучу похлеще Абрамовича, а сейчас кишка тонка. Жаждающие благотворительности, наверное, любого, у кого больше несчастной штуки баксов в кармане, атакуют. А уж ко мне, особенно после женитьбы на Светке, просто валом пошли. Ну конечно, женился на девочке из детдома. Добрый такой, ага. А я с бодуна был, мутило меня сильно. Ну и нормально, что женился. Светка – хорошая малая. А благотворительность – наша фишка, на бренде хорошо сказывается».

Наконец дама на секунду умолкла. И Андрей мгновенно этим воспользовался. Нежно, но решительно потянул на себя диплом, а потом нагнулся к микрофону:

– Я думаю, что поддержка нашей культуры и истории – дело первостепенной важности. Не хлебом единым, как говорится. Я очень рад, что нашей компании удалось помочь с выпуском антологии. Мы и впредь будем делать все, что от нас зависит, для реализации таких проектов.

Под жидкие хлопки он добрался до своего столика, поймал взгляд блондинки.

Есть контакт! Девушка даже чуть приподняла бокал с шампанским, сделала глоток и высокоэротично отправила в рот виноградину. К съему готова, без базара...

– Андрей, привет, – раздалось вдруг за спиной. – Вы позволите?

Сидевшая рядом женщина с аккуратной стрижкой, какая-то банкирша из спонсоров, тоже получившая диплом, отодвинулась в сторону:

– Пожалуйста.

Лицо присаживающейся за столик девицы показалось Андрею смутно знакомым.

«Где-то я видел эти глаза-блюдца зеленого цвета. А где я их мог видеть? Что не работала она у меня – это точно, своих сотрудников всегда узнаю. Спать я с ней вряд ли мог, она и на каблуках меньше ста семидесяти, а как разденется, вообще полтора метра будет, что с такой с моими ста девяноста восемью делать? – прикидывал он, настороженно разглядывая незнакомку. – Но если между нами что-то и было, то я был тогда в полном ауте. Набухался конкретно, на трезвую голову со мной такие номера не проходят».

– Не вспомнил, – она улыбнулась, тоже как-то знакомо. – Лика Вронская, я с тобой интервью для «Ведомостей» лет пять назад готовила. Вижу, сидишь скучаешь. Как дела твои?

Андрей едва удержался, чтобы не хлопнуть себя по лбу. Точно, эта же телка – корреспондентка, причем не самая тупая. Журналисты – особенно девки – клинические овцы, вопросы задают одинаковые, а ответы редко когда без неточностей понимают. Но эта, как ни странно, лажи не выдала.

– Да нормально все. А ты статью, значит, писать будешь? – Андрей поискал глазами официанта. Надо поухаживать за герлой, чтобы она упомянула в газете про участие компании в выпуске антологии. Ради пиара, собственно говоря, и бабки давал, и на тусе теперь мучается. – Про издательство?

– Статьи репортажного и информационного плана я уже не пишу, только аналитику и интервью со всякими известными политическими персонами. – Она отставила бокал шампанского и кивнула на кувшин с соком. – Налей вот этого. Спасибо! Вроде как меня повысили. Но ты знаешь, оказывается, быть заместителем главного редактора – это такая тоска.

Прислушиваясь к Ликиному щебету, Андрей более чем прекрасно все понимал. Тоска. Конечно, тоска. Пользы от герлы, которая статью не напишет, выходит, никакой. И чего она тут тогда расселась и кукует? Что блондинка подумает? А ведь уже так высокоэротично виноград кушала.

– Короче, русский язык сплошной, а не творчество. И тогда я решила написать детектив. В своей-то книге твори не хочу, полное раздолье. Вот как-то оно все и началось. У меня уже восемь романов вышло.

– Подожди, так ты типа писательница?

Лика пожала плечами:

– Наверное. Хотя из газеты все еще не уволилась и не собираюсь. Жадная я, все мне нравится – и книжки придумывать, и статьи писать.

Захаров оживился. Недавно в беседе с очередным журналистом он здорово подсел на коня. «А расскажите, как вы стали заниматься бизнесом?» «А почему вы против франчайзинга?» «Как вы познакомились с женой?» Ни одного не заданного в предыдущих интервью вопроса не прозвучало! Да, вся информация есть в Интернете. Казалось бы, проводи у компьютера хотя бы десять минут, уже не будешь выглядеть перед собеседником полным лохом. Но у большинства журналистов мозгов нет, только ноги. Достанут, прибегут и говорят банальности, в ожидании, что господин Захаров как растечется сейчас мыслью по древу. А господину Захарову скучно одно и то же талдычить как попугаю. И времени на это жалко. Но и послать в сад писак тоже нельзя – нужны для пиара, раскрутки бренда и всего такого. Поэтому на первых порах секретарь Алла получила четкое распоряжение – собрать все нормальные публикации и каждому журналисту, который договаривается об интервью, вручать пресс-релиз. А в перспективе хотелось издать книгу. Где черным по белому будут биография, ответы на все тупые вопросы, рассказы партнеров по бизнесу и друзей, фотографии. Но

найти человека, который бы этим занялся, все руки не доходили. А теперь вот и напрягаться не надо, сам нашелся.

– Есть интересная тема, – Андрей ловко подлил Лике сока, набросал на ее тарелку закусок. – Давай сейчас обсудим. Кстати, на этом даже можно заработать...

Когда к его столику, сексуально покачивая бедрами, приблизилась блондиночка и пригласила его на танец, Андрей от нее отмахнулся, как от надоедливой мухи.

Красоток вокруг – навалом. А бизнес – один и любимый. Поэтому, когда появляются дела, пусть девочки нервно покурят в сторонке...

* * *

Клиенты салона красоты «Светлана» на интерьер никогда не жаловались. Еще бы, авторский дизайн, итальянская мебель в классическом стиле, ненавязчиво-сиреневая плитка. А освещение чего стоит! Вмонтированные в стены эксклюзивные светильники, выполненные в форме цветов, позволяли словно оказаться внутри роскошного разноцветного сверкающего букета. Красные и белые розы, желтые и фиолетовые ирисы, розовые орхидеи. Нежно-горящая красота цветов умиротворяла и расслабляла. Все мастера, работавшие в салоне Светланы Захаровой, признавались: в таких условиях даже профессионалам, которые, казалось бы, могут сделать хорошую стрижку или отличный маникюр хоть в чистом поле, работать легче и проще. И результат всегда получается отличным.

Клиенты рады. Девочки-мастера довольны. Придумавшая схему освещения владелица салона Светлана Захарова была бы тоже просто счастлива, если бы не одно обстоятельство. Живые цветы в офисе надолго не задерживались, чахли, высыхали. А ей так хотелось, чтобы в салоне радовала глаз еще и зелень монстер и финиковых пальм, голубые шапки цветов гортензии, бордовые махровые фиалочки!

– Да, горячий воздух от фенов, – ворчала Света, опрыскивая умиравшую на подоконнике ее кабинета драцену. – Запахи от препаратов, кондиционер. Да еще и ужасная московская экология. Все это понятно. Но я все равно буду пытаться развести в салоне живые цветы. Некоторые растения адаптируются, вон как пахира в холле разрослась, любо-дорого посмотреть!

После душа драцена не ожила. Длинные листья остались поникшими, напоминая плачущую иву.

Поколебавшись, Света засунула палец в горшок.

Маникюра, конечно, жаль, однако подправить его – минутное дело. Но вот если только она поймет, что, несмотря на тысячу и одно предупреждение, уборщица заливает цветы... А ведь драцене нельзя слишком много пить, у нее гнивает стебель, и растение погибает!

Впрочем, земля в горшке была чуть влажной. Что убедительно доказывало: уборщица самодеятельностью не занималась, к цветам, как ее и просили, даже не приближалась.

Света грустно вздохнула и мысленно попрощалась с драценой. Жаль, но цветочек, похоже, точно не жилец.

– Это кабинет директора? Заказ из «Вселенной суши» где оставить?

Курьер, нагруженный пакетами, оказался таким симпатичным, что Света растерялась.

Высокий, темноволосый, с неожиданно свежим для жителя мегаполиса румянцем на смуглых щеках... От мальчика явно пахло жадными поцелуями, лихорадочными объятиями и отличной, не нуждающейся в подкормке виагрой эрекцией.

«Да он лучше того парня, который был у меня в Турции, – подумала Света, безуспешно стараясь отвести глаза от курьера или хотя бы ответить на его вопрос. – Может, взять у него телефон и договориться о встрече? Хочется! Но дома ходить „налево“ рискованно. Если

Андрей узнает, он меня убьет. Убьет? Вот еще! Просто велит собирать вещи, а сам спокойно отправится на очередное совещание».

– Это кабинет директора? Я на стол поставлю, можно? – Парень зашелестел паке-тами. – Ну и аппетит у твоего шефа! Или начальницы? Три порции суши, две сашими, салат, мисо-широ.

Света расхохоталась:

– Да, знаете ли, на аппетит не жалуюсь!

Щеки парня стали пунцовыми:

– Простите...

Он ретировался так быстро, что Света даже не успела дать ему чаевые.

«Точно недавно приехал в Москву. Про чаевые забывает, говорит глупости, еще краснеет, – подумала Света, доставая из пакета коробочки с суши. – И в тряпках пока разбираться не научился. Шерстяной персиковый свитер Marc Jacobs, рыжий шарф из меха норки – от самого Louis Vuitton, бежевые брюки Prada. Даже не считая украшений, тут такая сумма вырисовывается, простой сотруднице салона не по карману. Если бы мальчик пожил бы здесь хотя бы год, быстро научился бы определять стоимость тряпок. Помню, меня эта московская привычка раньше очень удивляла. А теперь в глазах такой же калькулятор».

Заслышав приближающиеся к кабинету шаги, Света обрадовалась. Полинка вернулась! Вот и компания для уничтожения суши!

Но дверь распахнула не подруга, а начальница службы безопасности мужа Жанна Леонова.

– Добрый вечер, Жанна Сергеевна! – приветливо зашебетала Света, а про себя подумала, что аппетит безнадежно испорчен.

Жанна строгая. Некрасивая. Непонятно, зачем она столько времени проводит в салоне – никаких положительных изменений во внешности уже который год не происходит. К тому же под пристальным взглядом ее холодных голубых глаз становится неуютно. Вроде и не провинилась, а все равно как-то не по себе. Угостить ее, что ли, суши? Да ну, перетопчется.

– Как хорошо вас постригли! – соврала Света.

Жанна Сергеевна усмехнулась:

– Постригли меня две недели назад. А сейчас я делала педикюр и массаж лица. Светлана Юрьевна, у меня к вам вопрос. Почему ваш автомобиль отсутствует на стоянке? Я машинально обратила на это внимание и решила, что вас нет в салоне. И была очень удивлена, увидев, как из вашего кабинета выходит курьер.

«Все она замечает, – возмутилась Света, рассматривая лицо Леоновой, как всегда, без грамма косметики. Казалось, уставшей кожи даже не касалась рука косметолога. – Ей-то какое дело! Она с Андреем работает, вот пусть ему мозги и парит. Кстати, надо уточнить, что за процедуры и на каких препаратах ей делали, эффекта вообще не вижу».

– Да Полина ее взяла. Она же все еще на «Жигулях», не поменяла. Ну и не завелись. Она по магазинам хотела походить, Новый год скоро, – объясняла Света, злясь за свой испуганный голос и излишние подробности, напоминавшие оправдания. – А машины еще нет на стоянке? Поля уже вернуться должна была, я думала, может, у девчонок застряла. Ей вроде корни волос подкрашивать пора.

– Я рада, что все в порядке. – Жанна развела руками. – Прошу извинить за беспокойство. По дороге в салон в моем автомобиле работало радио. Передавали информацию про угнанный «Porsche Cayenne» и пострадавшую женщину, которая управляла этой машиной.

Света пожала плечами. И как эта клуша службу безопасности возглавила – непонятно. Жанна ведь все перепутала! Тот автомобиль принадлежал модели, девушка погибла. Но это же два дня назад произошло, внимательнее радио слушать надо!

– Я рада, что все в полном порядке. – Леонова поднялась с кресла, поправила длинную скучную серую юбку. – И все-таки я продолжаю настаивать, чтобы вместе с вами находился охранник. К сожалению, и вы, и Андрей Владимирович не уделяете собственной безопасности должного внимания.

Света показала спине вредной клуши язык. Охранник, ага, разбежалась. Не надо ей никаких охранников, она от них избавилась, и точка. А вот Полинка требуется, причем срочно – перекусить вместе, кофе попить, посплетничать про Жанну!

Мобильный Полины не отвечал.

Решив, что подруга уже может быть в кресле парикмахера или на массажном столе, Света связалась с рецепцией.

– Полина сегодня вечером в салоне еще не появлялась, – беззаботно ответила администратор.

«А если с ней что-то случилось?» – мелькнула тревожная мысль. Мелькнула и пропала. Что может случиться с женщиной, которая пошла по магазинам? Разве что банкротство!

Света открыла пластиковый контейнер, распечатала упаковку с палочками, открыла баночку соевого соуса. И поморщилась.

Опять этот желудок... Тошнота...

«Никогда мне не привыкнуть к Москве, – решила Света, разыскивая в столе упаковку таблеток. – Пригорск всего в двухстах километрах отсюда. Но там дышишь, а здесь задыхаешься...»

Глава 2

Санкт-Петербург, 1872 год, Карл Фаберже.

Табакерка овальной формы.

И крышка украшена.

Как именно украшена крышка?

А что, если по всей поверхности сделать гильошированное эмалирование? Такое нежное, розовато-сиреневое, табакерка ведь предназначена для дамы. Поверх наложим желтый ромб отделки, цепочку из крошечных золотых листиков, чередующихся с цветками. В центре пусть будет крупная жемчужина. Перламутровый блеск, конечно же, оттенен окаймляющими ее бриллиантами. Бриллиантовые капли и в цветках на ромбике-цепочке.

Но все-таки чего-то этому эскизу недостает...

Карл отложил бумагу, посмотрел в окно. Здания, расположенные на противоположной стороне Большой Морской улицы, едва просматривались сквозь пелену серого тумана. На мгновение Фаберже сделалось страшно. Сейчас раннее утро? Или вечер? Сколько времени прошло в делах мастерской, без сна?

Он встал из-за стола, расправил затекшую спину. И, меряя быстрыми шагами кабинет, забормотал:

– Когда с фабрики Верфеля привезли сделанные по нашим рисункам нефритовые вазы, было утро. От Верфеля всегда приезжают поутру. Ох, боюсь, придется открывать свою камнерезную мастерскую: Верфель старается, но не всегда понимает, что нам надо. И сырье, да, его тоже лучше добывать самим. Отвратительно вырезают глыбы яшмы, при разрезке на плиты много материала в отход идет. Плохо выбирают белый кварц, он хрупок, везут неаккуратно, работать с ним потом сложно. Но я думал про утро. А почему про утро?..

Карл потер пальцами виски, пытаясь сосредоточиться.

Утро, луч солнца огибает полукруглую портьеру, и...

Полукруглую!!!

С громким воплем Фаберже бросился к столу, и, даже не присаживаясь, быстро переделал эскиз.

– Теперь хорошо! – прищурившись, воскликнул он.

Все дело было в той самой золотистой цепочке. Не строгий ромб с прямыми линиями и острыми углами. Просто ромбовидная форма. Вписанная в крышку табакерки цепочка должна чуть прогибаться внутрь, как стебель, склоняемый порывом ветра. А остроту углов, конечно же, следует сгладить изящными тонкими бантами. Материал – разумеется, золото, и тоже бриллианты, чтобы банты не терялись на фоне цветков и жемчуга.

Эскиз готов! Табакерка будет на первый взгляд обманчиво-простой. Но уже через секунду всякий поразится ее элегантности. Все элементы гармонично сочетаются, нет ни одной лишней детали. Владелица будет довольна!

Заказчики теперь всегда довольны. Им нравятся изделия от Фаберже. Да, было тяжелое время, когда прежние клиенты, привыкшие к обилию драгоценных камней и золота, недоуменно смотрели на выставленные в витринах нефритовые часы, гильошированные эмалью портсигары, бокалы и кубки со скромными орнаментами. Слишком отличались эти вещицы от того, что обычно предлагают ювелиры. А если даже кто и решался на покупку, то морщился при виде шкатулки, в которую упаковывалось изделие. Шкатулки прекрасные, никакого вульгарного бархата. Идеально отполированное дерево, карельская береза или белый дуб, внутри серебристый атлас. Они закрываются легко и бесшумно. Их можно даже уронить в таз с водой – а внутрь не просочится ни капли. Впрочем, редким покупателям шка-

тулки не нравились. В то время было от чего прийти в отчаяние, но... Когда после лихорадочной работы над эскизами и восковыми макетками вдруг удастся найти форму изделия, проявляющую всю красоту камня. Когда мастера тоже загораются этой же мыслью, сами бросаются к верстаку, или точно объясняют подмастерьям, какой должна быть шлифовка или гравировка, как закрепить камни, где украсить. Тогда рождается вещь, совершенная, как морозный узор на стекле, как первые клейкие листочки весны. Какое отчаяние, какие клиенты?! Забыто, не важно. От счастья на секунду перехватывает дыхание. А потом вместе с воздухом каждая клеточка тела наполняется неотвратимо сильным желанием продолжать. Рисовать новые эскизы, опять выбирать камни, стараться сделать лучше тех ювелиров, чьи работы находятся в коллекциях Дрездена и Парижа. Бояться, переживать, радоваться, продолжать...

Продолжать.

Хотя – какая досада! – надо ведь все-таки и спать, и кушать. А еще обязательно – прогуливаться хоть немного на свежем воздухе. Едкие пары кислот и щелочей проникают из мастерской в кабинет, царапают глаза, теснят грудь. Приходится больше доверять мастерам. Самому за всем следить очень хочется! Да только невозможно...

Доверие главным мастерам. Создание в мастерской нескольких отдельных производств – ювелирных, золотых, серебряных, даже токарных. Все это оправдалось после того, как от клиентов не стало отбоя. Эта от безысходности придуманная схема позволила работать много, быстро, уже с прибылью...

– Карл?! Ты что, еще не ложился?

Появившийся на пороге кабинета брат от неожиданности уронил стопку эскизов.

Карл хотел помочь ему собрать рассыпавшиеся по полу бумаги, но спину вдруг кольнуло болью.

– Да, не ложился, – простонал он, потирая поясницу. – Рисовал. Потом вспоминал, как мы с тобой начинали. И про керченский клад.²⁰

Агафон довольно улыбнулся.

– Да, у Колина²¹ теперь дело пошло, от заказчиков отбоя нет. А кто смеялся над моей страстью к золоту?

– Больше не смеюсь, – Карл примирительно поднял руки, любясь вспыхнувшим мальчишеской радостью лицом брата. – Признаю, твоя тяга к скифам оказалась выгодной для фирмы. Ты вообще...

Он собирался похвалить Агафона. Сказать, что ценит его как художника. Но с языка после беглого взгляда на бумаги сорвалось совсем другое:

– Что это? Нет, нет, все же неправильно. И по этому эскизу уже изготовлено кольцо?!

Брат кивнул.

– Да, по всем этим эскизам сделаны вещи. А что?

Карл принялся щипать бородку. Лежащий наверху стопки эскиз не то чтобы совсем плохой. Но рисунок линий мог бы быть чище. И к чему мелкие алмазы вокруг крупного камня? Они повышают стоимость кольца, такая работа дорого стоит. Но результат не оправдывает цену.

²⁰ Как отмечается в книге Джона Буфа «Фаберже», настоящая популярность к возглавившему в 1870 году семейное предприятие Карлу Фаберже и его брату Агафону, работавшему на фирме как дизайнер, пришла после выполнения заказа германского императора Вильгельма II. Изготовленные в мастерских Фаберже копии украшений из керченского клада было невозможно отличить от оригиналов.

²¹ Эрик Колин, финн по происхождению, – один из первых мастеров фирмы Фаберже. Его мастерская специализировалась на изготовлении копий керченских украшений и работах, близких им по характеру.

Агафон взглянул на рисунок и внезапно расхохотался. Он просто умирал со смеху. Большие голубые глаза превратились в щелочки, напояженные темно-русые волосы растрепались.

Согнувшись пополам, брат простонал:

– Уважаемый Карл Густавович! Это ваш эскиз!

– Мой?! Да быть такого не может!

– Твой, твой, граф Соколовский заказчик, подарок супруге на годовщину свадьбы!

Посмотри на рисунок, твоя же рука!

Обескураженный, Карл молчал. Агафон прав: это его работа. Воистину нет ничего идеального. Любая вещь может быть выполнена лучше. И будет выполнена лучше. А почему бы не сделать эскиз другого кольца?.. Но нет, только не теперь! Сначала, наверное, стоит немного поспать. Голова совсем тяжелая, мысли путаются. Вон даже свой эскиз не признал.

– Что ж, Агафон. Ругать меня некому. Так я сам себя отругал, – растерянно улыбнулся Фаберже. – Пойду вздремну. А ты, пожалуйста, проверь, как дела у гравиров. Я, кажется, давал им поручения. Вчера. Или два дня тому назад. Не помню точно.

Агафон снова прыснул:

– Ага, «Отче наш...» и так далее.

Карлу хотелось возразить, что он не обязан приводить весь текст молитвы на эскизе образа. Что гравиров мог бы и сам догадаться: «и так далее» означает гравировку «Отче наш» целиком. Но сил на пояснения у него не было, и он просто махнул рукой.

«Дойти до спальни. Только бы дойти до спальни», – думал Фаберже, поднимаясь по винтовой лестнице, ведущей из кабинета прямо в расположенную этажом выше над мастерской квартиру.

Предвкушая, как снимет жилет, сорочку и панталоны, а потом растянется на постели, Карл миновал гостиную. Дверь комнаты матушки вдруг отворилась. Наверное, мать, заслышав его шаги, заторопилась навстречу.

– Маменька, я с ног валюсь от усталости. Потом поговорим, – простонал он, с неудовольствием замечая упрямую решительную морщинку на матушкином лбу.

– Сейчас. Мы поговорим именно сейчас. – Маменька спешно схватила его за руку. – И безотлагательно! Я не вижу тебя неделями.

Опустившись на кресло, Карл вяло кивал. Да, нельзя так много работать. Конечно, он обязательно нанесет визиты родственникам. И сделает побыстрее заказанный друзьями маменьки обеденный сервиз.

– А теперь, сын, самое главное, – в голосе матушки зазвучали стальные нотки. – Тебе уже двадцать восемь лет. Пора уже и остепениться. Есть у меня на примете одна девица, дочь служащего Императорских мебельных мастерских. Чем не жена тебе!

Его даже не столько поразило, что маменька заговорила о женитьбе. Но – двадцать восемь?! Как двадцать восемь, почему уже столько, ведь совсем недавно вроде бы было двадцать шесть, и он возглавил дело отца. Целых два года, что ли, пронеслись как одно мгновение?!

– Ее зовут Августа, она хороша собой, с превосходными манерами, – продолжала тем временем маменька.

Если бы ему предложили взять в жены даже пять Август – он бы согласился не раздумывая.

Пообещал все, что угодно. Лишь бы скорее добраться до постели...

* * *

Зачем двадцатилетней девчонке-актрисе любовник-следователь, который к тому же почти вдвое старше ее? Зачем она ему – это понятно. Ослепительная молодость, красота, фонтан энергии – отдушина и от тяжелой работы, и от вечно всем недовольной жены. Но Инга... В чем ее интерес? Раньше – понятно. Девочка хотела получить информацию по находящемуся в производстве уголовному делу, ради чего вырядилась в микроскопические шорты и бесстрашно шагнула под колеса «Жигулей». А потом еще терроризировала эсэм-эсками. Не понимая, что можно и не прикладывать так много усилий, что двадцать лет – не паутина, из которой легко вырваться, а надежный капкан, западня.²²

Однако теперь... Уже полгода Инга радостно встречает его в своей квартире, готовит ужин, целует, устраивает стриптиз. Ох, чего она только не устраивает! Но зачем?! «Люблю» – вот ее обычный ответ. Или как вариант: «Ну и дурак ты, Седов!» Не-е-ет! Он, может, и дурак, но не до такой степени, чтобы не понимать: такие, как Инга, должны любить себе подобных – молодых и красивых. В крайнем случае – режиссеров, продюсеров, и кто там еще из начальников в киношном мире имеется. Ну или богатых поклонников, для которых любой каприз – не проблема. Хочешь тебе ресторан, хочешь море или дорогие подарки – всегда пожалуйста. Однако какой толк от немолодого, толстого, уже даже сто лет в кино не выбиравшегося следователя?! Три подвывшие, как он сам, розочки на 8 Марта?! Сомнительное удовольствие. А у девочки карьера в гору идет. Личико-то симпатичное, фигурка ладная – ее еще на подготовительных курсах заметили, в рекламе вовсю снимали. Едва поступила на вожделенное свое актерское отделение – а уже как большая, в сериале сыграла. Дай бог, как говорится. Но вот только зачем она с ним?..

Вздыхнув, Володя затушил сигарету, опустил подушку и забрался под одеяло. Инга пошевелилась, устраиваясь поудобнее, и сквозь сон пробормотала:

– Люблю тебя.

«С ума сошла, – испугался Седов. Под теплым одеялом, рядом с молодой красивой девушкой отчего-то вдруг мороз прошел по коже. – Что значит „люблю“? А если она заговорит о свадьбе? Я к этому не готов! Развод с женой исключается. С Людой мы уже давно друг друга страстно ненавидим. Но есть же сын, Санька, и он совсем маленький».

– Люблю, – снова прошептала Инга и улыбнулась.

– А кого ты еще любишь? – с неожиданной для самого себя ревностью поинтересовался Седов.

Сонный нежный голос доверчиво продолжил:

– Маму, папу и еще...

Володе послышалось «и еще Колика».

«Отлично, – он саркастически усмехнулся. – У нее есть какой-то Колик. Бывшего мужа зовут Сашей. А теперь появился некто Коля, значит. И что это за Колик? Ага, она, получается, день со мной, день с ним?! И при этом говорит, что любит. Да уж, по поводу верности подрастающее поколение не заморачивается совершенно».

Володя невольно скрипнул зубами, потер занывшую грудь. Мучительно сильно захотелось нарушить статью 105 Уголовного кодекса и кого-нибудь придушить.

Ингу? Хахаля ее? Обоих?

– Колик хороший. Он пушистый. Только не всегда писает в туалет, а мне убирай... – продолжила бормотать Инга.

²² История знакомства Инги и следователя Владимира Седова описана в романе О. Тарасевич «Крест Евфросинии Полоцкой».

«Колик», черный и упитанный, словно подслушивал. Протяжно мяукнув, материализовался в слабо освещенной спальне. Бесцеремонно прыгнул на постель, свернулся клубком и довольно заурчал. А еще, демонстрируя высшую степень наслаждения, запустил острые когти в одеяло.

Вот оно что. Не Колик. Котик. Черныш ее вредный, гадящий в печали где ни попадя. Котик. Какое счастье!

Володя обнял Ингу, зарылся лицом в ее длинные русые волосы. Они пахли розой и лимоном. Ингин запах, аромат молодости...

Желание вернуться в свою молодость, в свои двадцать лет нахлынуло такое сильное, что Седов едва не застонал.

Ему тоже было двадцать. Золотое время, редкая безмозглость, полная слепота. Заканчивает юрфак, мечтает работать следователем. Не в МВД, а именно в прокуратуре, там дела посерьезней, преступники поковарнее. Конечно, конечно. Своих мозгов нет, уставшие следователи с потухшими глазами кажутся не опытными советчиками, а полными идиотами. Вот придет он – и любимый город сразу сможет спать спокойно.

К тридцати с хвостиком однокурсники забираются на высокие должности. Ну и пусть, ради бога! Он же работать пришел, а не задницы кому нужно вылизывать. Преступник должен сидеть в тюрьме. Вот что важно, а не какие-то там должности, кресла, кабинеты. Убийцам место за решеткой. Это все еще кажется таким верным и очевидным!

А лет после тридцати пяти наступило отрешение, болезненное и внезапное. Происходи все это постепенно – может, был бы шанс адаптироваться, осмыслить или хотя бы привыкнуть. А так – хоть в петлю...

Появившийся жизненный и профессиональный опыт позволяет делать выводы. Даже если времени нет на мысли, не касающиеся находящихся в производстве уголовных дел. Даже если по сторонам вообще не смотришь, не паришься, кто на какой машине приехал, кто где отдыхает. Но мозг включается самостоятельно, автоматически. И все становится предельно ясно и понятно.

Господи, какая же гнилая система! Гнилая. Но не обвалится. Уж где-где, а в родных пенатах про откаты всем все известно. Взятки вообще трудно доказуемы, а уж тут схемы идеальны, комар носа не подточит. И – самое ужасное – доказывать некому, конструкция-то одна, наверху то же самое, что и внизу, – гниль и болото. Но при этом система устойчива до вечной зубной боли и относительно совершенна. Сколько «оборотней в погонах» из МВД вычистили? Много. А из прокуратуры? Раз-два и обчелся.

Наверное, можно попытаться от этого абстрагироваться. Сажать насильников и убийц. Но как зарыться на своей грядке и ни о чем не думать? Волей-неволей кого-то встречаешь в коридорах, на совещаниях рядом сидишь. А на, так сказать, коллегах грязи и дерьма-то побольше будет, чем на тех, кого за решетку отправляешь...

Ах, какие мы белые и пушистые? Все в нечистотах, Седов в белых тапочках? Ну вот и вали в своих тапочках. Вали. И куда?.. В другой округ? Смешно! Там, изначально понятно, то же самое. В бизнес? Да нет ее, предпринимательской жилки. Частное детективное агентство? Если не сойдет с ума от тупой слежки за супругами, то прогорит, конкуренция.

Приплыли.

Подводная лодка, короче.

А дальше все будет только хуже.

Работа тяжелая, высасывающая все силы, отнимающая много времени. Ее надо любить, это единственная возможность списывать тома бумаг, допрашивать сотни человек, искать, думать.

Вот так, оказывается, случается. Любовь была, но вся вышла. Горевший в душе огонь погас. И на этом пепелище придется как-то жить. Хотелось бы дернуться, но ведь некуда...

Единственное, что остается, – вспоминать те счастливые годы, когда мозги еще особо не эксплуатировались. Безмятежный сон нешевелиющихся извилин дарил много-много счастья. И на работу ведь действительно шел как на праздник, а не на каторгу.

«Кстати, о каторге, – вспомнил Володя, посмотрел на часы и ужаснулся. – Да я же на дежурство опаздываю!»

Одевшись, он поцеловал безмятежно посапывающую Ингу. Посоветовал ревниво мякнувшему Чернышу не огорчать хозяйку и пользоваться лотком. И помчался к своей машине. Мысленно призывая ржавое ведро с гайками, много лет назад бывшее синей резвой «семеркой», не умирать здесь и сейчас, а хотя бы доползти до прокуратуры.

«Только бы ночь прошла спокойно, – мечтал следователь, наслаждаясь дорогой. Транспортный поток позволял держать скорость 60 километров, с учетом обычных пробок „Жигули“ не ехали, а летели. – Как представляю, что опять бомжи поножовщину устроят, аж муторно становится. Или завидно? Я много кого не уважаю, но за нож не хватаюсь. А иногда хочется».

Телефон запел траурную мелодию, с недавних пор установленную на номер прокуратуры. Седов, в душе уже прощаясь с планами спокойного дежурства, ответил на звонок.

– Труп девушки обнаружен на обочине проезжей части возле парковой зоны. Огнестрел в голову, похоже, в связи с попыткой ограбления, – сообщил дежурный. – Тело нашла какая-то бабка, собаку выгуливала. Милиция давно там, судмедэксперт только что выехал.

– Понял. Уточни, где труп, чтобы я не плутал. Ага, возле объездной дороги. Да, круто я попал. Принимаю твои соболезнования!

В общем, толку от сочувствия дежурного не было никакого. Свидетелей, во всяком случае, точно не прибавится. Место происшествия – голубая мечта любого преступника. Самый малолюдный квадрат округа. Парк, объездной участок трассы, символические тусклые фонари. Жилые кварталы в отдалении, остановки общественного транспорта не имеется. В том районе даже собачники особо не появляются. Когда-то движение здесь было очень интенсивным. Новую дорогу построили давно, но привычка остерегаться машин, видимо, у владельцев четвероногих питомцев осталась.

Наихудшие опасения следователя полностью оправдались. Выйдя из автомобиля, он окинул взглядом лежавшее ничком возле «паркетника» «Porsche» тело девушки. Машинально отметил: у автомобиля спущено заднее колесо, рядом с ним валяется домкрат. В стороне всхлипывала пожилая женщина в платке, к ногам ее жалась облезлая маленькая собачонка. И из гражданских больше никого, даже понятых. Не говоря уже о случайных свидетелях. Но... вдруг? Вдруг они все же будут выявлены позднее?

Володя вопросительно посмотрел на коллег, выпускавших в морозный воздух белые струйки сигаретного дыма. Лица ребят, всегда в такой ситуации невеселые, показались ему особенно мрачными.

Участковый, щелчком отбросив окурки, с досадой поморщился.

– Мы ничего не трогали, так, в салон через стекло заглянули. Видим, сумки нет, значит, и документов нет. Какая баба права в карман совать будет? Короче, позвонили, попросили номер по базе пробить. Страшное дело, Седов. Тачка на Светлану Юрьевну Захарову зарегистрирована. Ту самую Свету Захарову, просекаешь?

– Твою мать, – вырвалось у следователя. – Час от часу не легче. Что ж он жену свою без шофера и охраны выпускает?!

Участковый недоуменно пожал плечами.

– У богатых свои причуды. Будь проще, и к тебе потянутся люди. Но не всегда хорошие... Вот и поставила девочка «запаску»...

«Захаров, Захаров, ну ты и дурак, – подумал следователь, делая знак эксперту. По УПК, конечно, без понятых осмотр начинать нельзя. Но при минус десяти на эти вещи смотрят

проще, понятых найдут позже, и так придется полночи здесь проторчать. Не хватало еще начало осмотра откладывать! – Блин, а какое шоу было с их свадьбой лет пять назад. Принц для Золушки! Миллионер женится на детдомовке! Уж на что я всей этой ерундой не интересуюсь. Но журналисты тогда так все обсасывали, волей-неволей запомнишь. Кажется, только на рулоне туалетной бумаги статей на эту тему не было».

Натягивая перчатки, эксперт зашелся мучительным kloкочущим кашлем.

– О, тоже мне, медик, сапожник без сапог! Ты давай быстро тело осмотри, – распорядился Седов. – А потом в машину сядем, и ты мне все продиктуешь. Да и вообще, больничный бы взял, если гриппуешь... – Володя взгляделся в рану на затылке девушки. – Тут, кажется, все достаточно понятно. Стреляли сзади, с глушителем?

– Да, в упор, но с глушителем. Штамп-отпечаток торцевой части оружия едва заметен, – согласился эксперт.

Он повернул залитую кровью голову девушки и вдруг присвистнул.

– Володь, смотри!

Рядом с трупом лежал прямоугольный плотный квадратик бумаги. Эксперт аккуратно его поднял.

– Жанна Сергеевна Леонова, начальник службы безопасности компании «Pan Zahar Group», – прочитал Седов.

* * *

– Жанна Сергеевна, может, кофе?

– Алла Владиславовна, благодарю вас, не стоит.

Жанна нажала на кнопку аппарата селекторной связи и покачала головой. Секретарь явно что-то успела узнать. Кажется, в стенах офиса «Pan Zahar Group» всем про всех известно. Любая новость, хорошая ли, ужасная, как сегодня, облетает многоэтажное здание мгновенно.

Аппарат снова зазвонил.

– Жанна Сергеевна, можно к вам зайти на минуточку?

Леонова недовольно поморщилась. Да, девочка работает в компании всего полгода. Но даже с учетом неопытности, как-то слишком многое себе позволяет. Три звонка по поводу кофе! Хотя Алла уже давно знает: в кабинете руководительницы службы безопасности стоит замечательная машина, которая всегда эксплуатируется без посторонней помощи. Теперь еще эта просьба...

– Что-нибудь срочное? – холодно уточнила Жанна, которой меньше всего хотелось отвечать на вопросы любопытной девчонки.

– Я... не знаю, как поступить, – в голосе секретаря слышалась растерянность. – И из приемной говорить не могу.

– Хорошо. Жду.

Появившаяся через пару минут на пороге кабинета девушка была точной копией своих многочисленных предшественниц. Высокий рост, привлекательная модельная внешность, безукоризненный деловой костюм. Про красный диплом какого-нибудь престижного вуза, пару иностранных языков, виртуозное знание делопроизводства и компьютера на миловидном личике, конечно, ничего не написано. Но можно не сомневаться, что все это наличествует. Отдел по подбору персонала свое дело знает, Алла Владиславовна Астафьева, по виду максимум двадцати пяти лет от роду, – на текущий момент самое лучшее предложение на рынке секретарских услуг.

– У вас красивый кабинет, – секретарь солнечно улыбнулась. – Я здесь впервые, очень уютно.

«Кошечка освоилась, – решила Жанна, невольно разглядывая ногти Аллы. Излишне длинные, гелевые, покрытые неярким бежевым лаком, они выглядели на редкость вульгарно. – Вот и коготки отрастила. Сейчас будет пытаться вцепиться в Андрея или Виктора. После чего с треском вылетит из „Pan Zahar Group“. Наши мальчики хороши собой, богаты. И от обоих исходит такая энергетика, что бедные секретари теряют контроль и вместо работы устраивают охоту. А охотится здесь только руководство. И не только здесь, впрочем. Бизнес набирает обороты, конкурентов на рынке практически нет».

Осознав, что ответа на комплимент не последует, Алла решила перейти прямо к делу:

– В приемной Андрея Владимировича находится журналистка и писательница Лика Вронская.

Жанна скосила глаза на монитор, куда передавали изображение все работающие в офисе камеры. Обычно такой монитор устанавливают в комнате охраны. Но мужикам доверия нет. Как говорится, если хочешь, чтобы дело было сделано хорошо, – сделай его сам... Судя по «картинке» из приемной Андрея, на кожаном белом диване действительно сидела молодая женщина с короткой стрижкой. И, делая вид, что читает журнал, нервно поглядывала на часы.

– Андрей Владимирович просил заказать ей пропуск на десять...

– И что? Продолжайте, пожалуйста, я вас внимательно слушаю, – перебила секретаря Жанна. – Кто из охраны обсуждает частную жизнь шефа с секретарем? Анатолий? Александр?

Алла покачала головой.

– Лика... Она сказала, что у нее знакомые есть в милиции. И они ей рассказали, что вчера убили подругу Светланы Юрьевны. А вначале вообще думали, что убита сама Светлана Юрьевна! И я не знаю, что делать. Завтра совещание с участием иностранных партнеров. Может, перезвонить, чтобы не вылетали? Но Андрей Владимирович никаких распоряжений не давал...

– Отправляй Лику, – распорядилась Жанна, посмотрев на часы. – Андрей Владимирович опаздывает уже на час, и это понятно. Насчет совещания надо уточнить у Паничева, возможно, он проведет его сам, без Захарова. А что у этой Лики за вопрос, она не говорила?

– Книгу писать будет. Про Андрея Владимировича. – В глазах Аллы промелькнула ревность. – Он лично ее об этом попросил, представляете?

Жанна собиралась сказать, что шеф сам разберется, чем ему заниматься. Но слова застряли в горле.

Камера наблюдения, работавшая у входа в офис, показала лихо притормаживающий джип Захарова.

Андрей выпрыгнул из машины со стороны водительского сиденья. И быстро вошел в здание. Отправленная к Андрею еще ранним утром охрана – водитель-охранник и машина сопровождения – отсутствовали.

– Чего он добивается?! – воскликнула Жанна, начисто позабыв о находившейся в кабинете Алле. – Да что же это за мальчишество!

* * *

Умом Лика Вронская понимала: Андрей Захаров имеет полное право опаздывать на им же самим назначенную встречу. Во-первых, аксиома: клиент всегда прав. Бизнес – штука непредсказуемая, Андрея могли задержать телефонные звонки, неожиданно возникшие проблемы – это второе. Вечные пробки, давно превратившие для москвичей любое перемещение по городу в перманентные бои без правил, – существенное и объяснимое третье. Но самое главное – у Захарова горе, убили подругу жены. Хочется надеяться, что в тот момент,

когда его разыскивали с вестью о гибели супруги, Светлана находилась рядом с ним и все быстро выяснилось. Потому что, если ее не было, Андрей пережил такое – врагу не пожелаешь...

«Все это понятно, – подумала Лика, откладывая журнал, читать который мешало закипающее раздражение. – К тому же волноваться и злиться в моем состоянии особенно вредно. Но ничего не могу с собой поделать. Пунктуальность, переходящая в маразм. Педантичность, доведенная до абсурда. Со всем могу смириться: с небрежностью, рассеянностью, невыполнением обязательств, с чем угодно. Но когда человек опаздывает больше чем на пятнадцать минут, контроль над собой утрачивается полностью!»

Она вскочила с дивана, подтянула сползающие джинсы – пока беременность положительно сказывалась на фигуре, токсикоз исторгал из организма все, кроме грейпфрутов, – и нервно заходила по приемной.

– Я идиотка! – бормотала Вронская, курсируя от секретарского стола к белым кожаным креслам и обратно. – А так торопилась, так летела. Даже с Седовым толком не пообщалась...

Следователь позвонил рано утром. И слабым голосом сказал:

– Ты мимо прокуратуры проезжать не будешь? Инга просит твой новый роман с автографом.

Звонок приятеля был более чем некстати. Недавние страстные объятия с унитазом парализуют врожденную тягу к коммуникации, даже с друзьями. Но это же все-таки Седов, с которым не один пуд соли съеден...

– Заеду на днях, – пообещала Лика, мысленно проклиная тягу подружки следователя к детективам. – А чего у тебя голос такой убитый?

– На труп выезжал, не ложился. Надо ехать домой. Мне вообще отгул полагается после ночного дежурства. Но наша работа – как болото. То одно, то другое. Затягивает, не вырваться, – Седов попытался говорить бодрее, но вышло у него это плохо. – Сначала вообще думал, что попал, что жену миллионера Захарова в нашем округе на тот свет отправили. Оказалось, не жену, а подругу жены. Кстати, а ты с Захаровым не знакома? Может, писала про него?

– Знаешь, да, писала. И еще буду писать. Он мне вчера биографию заказал, мы вот буквально через час встречаться должны. Хотя не знаю, с учетом произошедшего...

Да, она сомневалась: ехать, не ехать. Номер своего мобильного Захаров не оставил. Пришлось перезванивать секретарю – та сообщила, что пропуск заказан, информации об отмене или переносе встречи нет. И вот лицо рисуется в темпе марша, напяливаются неудобные, но дорогие джинсы, потом изматывающая битва с пробками. И ради чего все это? Андрей опаздывает больше чем на час!

«Домой поеду, – решила Вронская, остановившись у вешалки. – Конечно, мне нужны деньги, Андрей обещал хороший гонорар, для популяризации моего имени поработать над биографией миллионера тоже отлично. Но смысла ждать больше нет. Будет нужно – сам меня найдет».

Она набросила пальто, подхватила с дивана рюкзачок и потянула на себя тяжелую дверь приемной.

– Ты далеко собралась?

Андрей Захаров собственной персоной...

Как всегда, он отлично выглядел. Одежда в спортивном стиле – судя по неброским оттенкам и идеальному покрою, дизайнерская. Свежий парфюм, блестящие, довольно длинные русые волосы с едва заметными нитками седины. Но больше всего Лику поразил взгляд – энергичный и веселый.

– Смотри, влюбишься, придется прекращать работу, – улыбнулся Андрей и вдруг погладил Лику по голове. – Давай, хватит тупить, пойдем разговоры разговаривать.

От странного неожиданно панибратского жеста Вронская вздрогнула и пробормотала:

– Да, пойдем. Не ожидала, что ты придешь. Я знаю, у тебя горе.

– У меня? – Распахивающий дверь в свой кабинет Захаров с удивлением обернулся. – Я ж живой и здоровый, чего париться! Да я и козу эту запомнил лишь потому, что малая моя все время ныла: устрой на работу, купи квартиру. Машину, кажется, ей тоже оплатил на днях. Нельзя так! И я Светке объяснял: каждый человек всего в этой жизни должен добиваться сам. А если он живет на халяву, то ничем хорошим это не заканчивается. Че, я не прав?

– П-прав, – послушно подтвердила Вронская, проходя вслед за Андреем в кабинет.

Ее привыкший кроить детективные сюжеты мозг мгновенно выдал следующий синопсис. Миллионер, уставший от вечных дотаций на содержание приятельницы жены, решает вопрос радикально. Киллеры нынче не так уж и дороги. И потом – это разовая выплата, рассчитался – и все. А неизвестно, чего еще потребует после машины жадная подруга; аппетит приходит во время еды.

«У меня параноя, – вытаскивая из рюкзака диктофон и блокнот, прокомментировала Вронская собственные мысли. – Написание детективов плохо сказывается на добром отношении к людям. Всех и каждого начинаю подозревать в злых намерениях. Плюс беременность, состояние прекрасное, но, кажется, разжижающее мозг».

– Слушай, я вот что подумал, – выпалил вдруг Захаров, посмотрев на часы. – Пошли йогой позанимаемся. У меня здесь зал, свой тренер. Одежду тебе подберем, не волнуйся, с этим без проблем. Как-то все-таки меня напрягли последние события. Релакс нужен. Не хватало еще заболеть из-за этой козы!

Перед глазами Вронской вдруг возникла картинка, которую она в последнее время видела слишком часто и слишком близко. Унитаз, шум спускаемой воды... Вот бы еще сияющего жизнерадостного Андрея смыть прямо в трубу, далеко-далеко, как исторгнутый из организма завтрак или обед!

Но что, если все это только игра с его стороны? Люди не могут быть такими жестокими! И смерть любого человека пусть если и не потрясает до глубины души, то минимум требует уважения. Похоже, и правда речь идет об игре. Но Захаров переигрывает...

– Йога – это прекрасно, – натянуто улыбнулась Вронская. – С удовольствием составлю тебе компанию.

Она понуро направилась к двери, но замерла. Оказывается, в журнальный столик вмонтирован потрясающий аквариум! Под прозрачным стеклом плавает ярко-зеленая, как елочная игрушка, рыбка!

У Лики сразу же возникло желание восхититься оригинальным аквариумом, выяснить, как рыба дышит. Ведь она же практически со всех сторон замурована в стекло, только «пол» ее домика отделан плиткой с древнеегипетскими картинками, но и он тоже не пропускает воздух!

Однако, поразмыслив, Вронская оставила свои восторги при себе. После резких жестких фраз Андрея говорить комплименты по поводу стильного интерьера рабочего кабинета и чудесного аквариума – это лишнее.

* * *

Трясущимися руками с плохо гнувшимися пальцами попасть по крошечной кнопке серебристого плеера было непросто. Помучившись, Моцарт кое-как изловчился, запустил миниатюрный прибор. Подключил наушники и откинулся на спинку автомобильного сиденья.

Кружащаяся, легкая и воздушная мелодия Сороковой симфонии наилучшим образом подходила и морозному солнечному утру, и самой Москве, яркой, нарядной, неожиданно новой.

Моцарт смотрел в окно и умилялся.

Как все изменилось за пятнадцать лет! Иномарок на улицах полно. И какие длинные иногда встречаются. Как они, интересно, разворачиваются, эти автомобили-крейсеры?!

От рекламы в глазах рябит. Тряпки поперек улиц, огромные плакаты вдоль дорог, сверкающие плоские шкафы в центре через три метра буквально понатыканы. Вывески по ночам так и светят, красным, золотистым, зеленым. Радуга, в натуре.

А технические приамбасы чего стоят! Телефоны сотовые, даже у детей малолетних. В съемной квартире чайник умный имеется. Вжик – и вода закипела, чифирь – не хочу. И стиральная машинка есть, хозяйка базарила, сама стирает, только включи.

«Как жизнь изменилась, – подумал Моцарт, невольно любуясь зданием офиса Андрея Захарова. Не очень высокое, овальной формы, с большими светло-голубыми стеклами, оно напоминало летающую тарелку. – И все мимо меня прошло. Ничего я теперь не понимаю. Телик включил – пацана своего бывшего увидел, Битума. Хороший пацан был. Расплавит зелье свое битумное, и к должнику, а потом в морду ему плясь... Депутатом стал, брюхо нажрал. А кореш „прошляка“²³ Резвана теперь вообще типа авторитета, губернатор, что ли. Ничего не понимаю. Кроме одного. Захаров мне за все ответить должен».

Сороковую симфонию сменила Двадцать пятая, стремительная, пронзительная. И прекрасная, как мысли о мести.

На свободе, впрочем, думать об окончательном и полном расчете с Захаровым было менее приятно, чем на зоне. На нарах все таким простым казалось: выйдет и своими руками придушит. И – чтобы никаких концов, хватит, свое отсидел давно. И даже когда уже «откинулся», документы новые справил, машину неприметную купил, чтобы отслеживать удобнее было, тогда еще тоже радовался. Охраны у Захарова нет. Бомбу к машине можно прикрепить, чтобы рвануло на фиг и разнесло Андрейку по запчастям. Или из волюны в упор выстрелить. Винтовка не подходит. Снайперку можно подыскать хорошую. Но руки... Дрожат, суставы на пальцах почти не гнутся. А промахов при расчете с Захаровым быть не должно, один раз промахнулся, больше не надо.

«Хорошо, что горячку не порол, думал, выбирал, как именно Андрея на тот свет отправить, – думал Моцарт, постукивая пальцами по коробке передач в такт музыке. – Охрана-то есть все-таки, пасут его, сопровождают. Под прикрытием он. Стоило только какому-то хмырю внезапно к Захарову приблизиться – откуда ни возьмись два бугая выскочили. И с тачкой чуть не прокололся, прошел пару раз возле нее на стоянке, сразу крепкий парниша из офиса вылетел. И сколько еще осечек было, обидных, досадных. Но что теперь душу травить. Осторожнее надо действовать. Да уж, с нар оно все проще казалось...»

На ступеньках офиса показалась высокая крепкая фигура, и Моцарт быстро выключил музыку, завел двигатель.

Серебристый джип Андрея Захарова уже выезжал со стоянки. Моцарт вывернул руль, стараясь обогнуть припаркованный перед его «девяткой» «BMW», и выругался. Вслед за джипом со стоянки выехала иномарка, прилепилась к машине Захарова. «По городу повожу, – Моцарт упрямо стиснул зубы. – А там видно будет...»

²³ Прошляк – развенчанный вор в законе (*блат.*).

* * *

– Светлана Юрьевна, у нас ботокс закончился и препараты для гликолевого пилинга. А еще тут фены предлагают – отличное качество, приемлемые цены, может, тоже заказать? Светлана Юрьевна? Вы меня слышите?!

Слова застревают в горле. Обычные дела – какая нелепость, полная бессмыслица. Все кажется ненастоящим: «Vertu» в руке, проблемы салона, этот дом. Есть только глаза, они больше не могут плакать, почти не видят, вместо век – наждачная бумага, а зрачки как сухой песок. И еще есть крик, методично разрезающий тело. Он находится внутри, острый и болезненный. Когда еще не были сорваны связки и получалось выпускать его наружу, страдания не казались такими мучительными.

Света попыталась сказать администратору, что Полину убили. Почувствовала, как слабо шевельнулись губы.

Но не услышала даже шепота.

Кажется, телефон выскальзывает из рук, падает на ковер.

В затылок бьет острая боль.

Она тоже упала? Все равно...

...Раньше ее лица – только запахи. Остро и едко воняет хлоркой. Разит от мокрых запачканных штанишек. Еще какой-то дымный запах, горелый. А потом в памяти появляется Польша, красная, орущая. Она отчетлива видна через деревянные столбики кровати. Между столбиками легко проскальзывает рука. Но кровать Поли все же далеко, до нее не дотянуться. У нянечки лица нет, видны только огромные красные пальцы и грудь, чуть ли не вываливающаяся из белого халата.

Через какое-то время на Полю смотреть уже не хочется. Она еще не говорит. Но, проглотив свою порцию пюре, жадно зачерпывает ладошкой из Светиной тарелки. За что воспитательница, придя в себя, звонко шлепает воришку по попе. От справедливой расправы жгучие слезы на щеках Светы подсыхают. Но обида все равно так огромна! Поля ведь съела две порции, а она только одну, и ей, как всегда, очень хочется кушать... Даже ночью Света просыпается, чтобы убедиться – она так и лежит спиной к кровати Полины.

Лет в шесть Света ей отомстила. Не то чтобы специально. Так получилось. В комнате для игр была кукла, настоящая Красная Шапочка, с золотистыми волосами, в синем платьице и белом передничке. Кукла умела спать. Когда ее клали на спину, голубые глаза с черными пластмассовыми ресничками по-настоящему закрывались!

– Вы ее испачкаете, – говорила воспитательница.

И играть с Красной Шапочкой не разрешала. Кукла сидела в шкафу, красивая, заманчивая.

Пробраться в комнату для игр мимо задремавшей нянечки было просто. Достать куклу оказалось сложнее, пришлось подставить к шкафу стул, чтобы дотянуться до полки. Покормив Красную Шапочку и уложив ее поспать, Света с сожалением вскарабкалась на стул, и... большое стекло, прикрывавшее все полки шкафа, больше не отодвигалось. Оставить куклу на полу? Но тогда завтра воспитательница станет выяснять, как это случилось! Засунуть Красную Шапочку вредной Поле под одеяло показалось отличной идеей. Впрочем, наказали не Полю, а ее заклятую врагиню Наташу. Которая утром радостно закричала на всю спальню:

– Ко мне Красная Шапочка спать пришла!

А Поля склонилась к Светиной кровати:

– Дурочка, если мы с тобой раздружимся, ты же одна будешь! Совсем одна...

Света презрительно хмыкнула:

– Вот еще! За мной скоро мама придет. Она просто пока не может. А как сможет, то заберет.

– Дурочка, – Поля старательно согнула мизинец и протянула руку, – у тебя нет мамы. И у меня тоже нет. Никто нас отсюда не заберет. Никогда. Давай! Мирись-миришь-миришь.

– И больше не дерись, – послушно продолжила Света. Потом выдернула ладошку и заплакала.

Мама – не принцесса, которую забрали злые волшебники. Не космонавт, летающий среди звездочек вместе с Юрием Гагариным. Не разведчица, бесстрашно сражающаяся с немцами.

Мама оставила ее. Бросила... Может, так и получилось, что тогда она не могла забрать с собой дочку. Но потом, сейчас! Она ведь могла бы просто узнать, любит ли ее доченька, ждет ли. И Света бы сказала: «Не надо мне самой красивой куклы, Красной Шапочки, и конфет совсем не надо. Только заberi меня домой, я послушной буду всегда. А люблю я тебя, мамочка, сильно-пресильно. Каждую секундочку люблю, все время помню про тебя». Мама не пришла. И не придет, потому что много раз уже были весна и осень, и сторож дядя Витя надевал вывернутый наизнанку тулуп и приклеивал бороду из ваты. А мамочки все нет и нет почему-то...

Мамы не было, была Поля.

Она списывает задачи по математике, которые у нее никогда не решались. И рисует картинки, которые не получались у Светы. Она ворует шмат недоваренного мяса и дает его кусать по очереди, хотя сама совсем худышка. Она сидит у постели, когда от жара Света уже почти ничего не осознает. Только ясно, что врачиха так и не смогла увести Польшу. Поля рядом, подносит ко рту кружку с водой, что-то холодное кладет на лоб. И так будет всегда.

Запомнилась каждая черточка ее лица, вечные цыпки, разбитые коленки. Все детство – Поля, вся жизнь – подруга...

И даже после детдома. Одно ПТУ, одна комната в общежитии, одни приличные туфли – все на двоих.

Только Андрея на двоих разделить не получилось...

... Она очнулась от звонка сотового телефона.

– Светлана Юрьевна, я все жду, жду. А вас нет. А ботокс закончился, – бодро залопотала администратор. – И препараты для гликолевого пилинга.

Света приподнялась на локоть, размахнулась и швырнула сотовый телефон об стену.

Если бы только можно было умереть вместо Поли! Польша же еще и не жила по-человечески, только-только ее Андрей на работу устроил, квартиру купил. У нее даже ощущения радости не успело возникнуть. Лишь благодарность, как у бездомной собаки...

Глава 3

Санкт-Петербург, 1885 год, Карл Фаберже.

«Жена отлично придумала: вести учетные книги, – радовался Карл Фаберже, изучая записи. – Заказов много, мастерских под нашим началом работает все больше и больше. И вот, пожалуйста, в книгах все подробнейшим образом отмечено. Что поручалось Реймеру, и Тилеману, Аарне и Армфельдту».²⁴

Покончив с делами, он встал из-за стола. И, направляясь к двери, ведущей из кабинета прямо в магазин, потрепал по светлой головке сына, увлеченно играющего со старыми макетками.

– Сашенька, тебе интересно? Ты тоже будешь ювелиром?

Круглые ярко-синие, «фабержевские» глаза сына сделались и вовсе огромными.

– Папенька, Сашка спит еще. А я – Евгений Карлович, – возмущенно буркнул ребенок.

– Прости, сынок, я оговорился, – покраснев от стыда, соврал Фаберже. Права Августа: он точно сходит с ума со своими камнями. Женя на три года старше Саши, да и как вообще можно перепутать собственных детей! – Ну что, Женька? Что, Евгений Карлович?! Будешь скоро мне помогать, да?

Нахмурившееся личико осветилось улыбкой. Сын важно кивнул и вновь занялся макетками. А Карл заспешил в магазин на помощь приказчику. Через стеклянную дверь виднелось его вспотевшее от усердия круглое лицо. Приказчик доставал все новые и новые футляры. А покупатель, едва взглянув на изделия, что-то рассказывал, увлеченно размахивая руками.

И оба они обернулись на звук открываемой двери.

– Карл Густавович, приветствую!

Фаберже мысленно выругался. Покупатель, князь Голицын, – пренеприятнейший тип. Да, при деньгах. Выбирает много, не торгуется, не скупится. Но никакой радости от того, что особняк князя набит изделиями от Фаберже, не возникает. Страсть князя – дань моде, не более того. Был бы в почете другой ювелир – скупал бы с таким же азартом его работы. Красоты не видит, в искусстве ничего не понимает. Настоящему ценителю, бывает, дешевую вещь продашь – а радости, как от получения крупного заказа. К тому же князь Голицын – жуткий сплетник и болтун. Специально время тянет, приказчика мучает. Что за странная потребность у этого человека, всенепременно пересказывать сплетни и слухи?!

– Здравствуйте, ваше сиятельство, – сдержанно ответил Фаберже, проходя за витрину. – Что могу предложить вам?

Голицын, не глядя, ткнул тросточкой между бокалом из горного хрусталя и кубком такой же ледяной прозрачности.

– Возьму это! А мне, Карл Густавович, представляете, орден недавно дали. А я – вот хотите верьте, хотите нет – ни малейшего представления не имею, за какие заслуги. Орден – а я в догадках теряюсь!

Упаковывая для князя бокал, который показался менее удачным, чем кубок, Карл улыбнулся.

– Я, князь, тоже не знаю, за что вам орден дали.

Голицын, явно ожидавший если не долгого перечисления своих заслуг, то хотя бы поздравлений, обиженно поджал губы. И, быстро рассчитавшись, холодно попрощался и вышел вон.

Приказчик, убирая ассигнации в кассу, расстроено вздохнул:

²⁴ Мастера – владельцы мастерских, выпускавших изделия под маркой «Фаберже».

– Зря вы так, Карл Густавович. Право ваше, конечно. Но покупает князь много, а ну как обидится?

– Пускай обижается. – Фаберже довольно осмотрел витрину. На ней, взамен пару дней назад проданной, вновь появилась композиция из ландышей. – Ненавижу сплетников, лицемеров и хвастунов!

– За братиной пришел, – прошептал приказчик, завидев на пороге магазина мужчину в казачьей форме и большой белой папахе. – Таким всегда нужны братины. А нам как раз из мастерской привезли, даже выставить не успел еще.

Он нагнулся под прилавок, завоzilся там с коробкой.

– Позвольте представиться, генерал-адъютант Петр Алексеевич Черевин, – зычно гаркнул посетитель.

Карл Фаберже, уже успевший разглядеть генеральские погоны, вежливо кивнул. И с трудом сдержал улыбку. Приказчик, слышав, кто пожаловал, от неожиданности ударился о прилавок головой и тихо охнул. А потом отчего-то легонько хлопнул его по голени.

– Мне нужен Карл Густавович Фаберже. – Гость осмотрелся по сторонам и довольно крикнул. – Правду при дворе говорят, красивая работа!

Красное лицо, мясистый нос, повисшие усы, рыжие от табака. Не красавец, натуральный вояка, спитой, резкий. Да и вся генеральская фигура – громоздкая, неповоротливая, в магазине, наполненном хрупкими изящными предметами, смотрится весьма и весьма рискованно.

Испытывая лишь одно желание – поскорее выпроводить генерала, Карл натянуто улыбнулся:

– Это я. Приветствую вас с превеликим удовольствием. Что угодно вашему высокопревосходительству?

Из-за прилавка вынырнул приказчик и льстиво затараторил:

– Какая честь! Сам генерал Черевин к нам изволил пожаловать! Сейчас же закроем магазин и займемся вами, одну секундочку.

Подскочив к двери, он щелкнул ключом.

Карл удивленно посмотрел на обтянутую жилетом подобострастно склоненную спину приказчика, на трясущиеся его руки, на даже как-то торжественно засиявшую меж напмаженных кудрей проплешину. И вздрогнул.

Генерал сказал «при дворе»...

Память тут же услужливо помахала перед глазами газетой с фотографией гостя, выглядывающего из-за плеча государя.

И волнение крутым кипятком заструилось по венам.

В магазин-то пожаловал сам начальник охраны его величества, близкий государю человек. Вроде бы сплетник Голицын именно про него говорил – «дежурный генерал», исполнитель самых разных поручений императора.

– Пожалуйте, извольте предложить вам чаю! И, конечно, все покажем. А если хотите, можно и из мастерских вещи доставить, в работе, но почти оконченные. – Приказчик метался меж витринами, выкладывая футляры. – Какая честь для нас, ваше высокопревосходительство! Вот, пожалуйста, извольте глянуть!

– Не я смотреть буду. – Генерал с досадой поморщился. Отчего сразу стало понятно: суеющийся малый ему не по нраву. – Государь видеть желает. И работы все ваши, и Карла Густавовича собственной персоной. Извольте приготовляться к отбытию в Гатчину.²⁵

²⁵ После убийства Александра II в целях безопасности Александру III рекомендовали жить в Гатчинском дворце. Там он и его семья проводили большую часть года, приезжая в Санкт-Петербург только на сезон зимних балов.

«Какая неожиданнейшая приятная новость! – обрадовался Карл, с обожанием глядя на Петра Алексеевича. – Самому государю представленным быть почетно, весьма почетно. И наши изделия показать. Значит, хвалят. Я знал, ведь покупают, заказы исполнять не успеваем. Но что сам государь отметит, и в мыслях никогда не было».

Потом, за немного улегшейся волной восторга, на него вдруг навалилось тяжелое оцепенение.

Александр III, огромная, как у медведя, фигура с угадывающимся под белым мундиром с золочеными пуговицами брюшком. Лохматая, кустистая борода. Со времен Петра I государи бороду не носят. Но Александр III на обычаи не смотрит. Анекдот про него рассказывают-с. Ловит государь щук в Гатчине, адъютант к нему приходит со срочной телеграммой из Европы. «Пока русский царь удит рыбу, Европа может подождать», – отвечает.

Русский царь, русская манера, стиль... Александр III сменил армейское обмундирование! Ужасно сменил, вульгарно, моветон! Теперь форма сделалась похожа на русский национальный костюм. Мундир свободного покроя в виде двубортной куртки без пуговиц и цветных лацканов, барашковая шапка с кокардой, шаровары с цветным кантом. Это просто даже непонятно, как такое случиться могло! Офицер нынче походит на обер-кондуктора, гвардейский стрелок – на околоточного надзирателя, а смешнее всего глядеть на фельдфебеля. Ну вылитый сельский староста в кафтане да с бляхой!

И вот в руках такого, с позволения сказать, русского медведя... Что? Большим спросом у клиентов пользуются тонкие бокалы горного хрусталя – строгие, изящные. Цветочные композиции из драгоценных и полудрагоценных камней – такие натуральные, будто минуту назад еще в лесу росли.

Государь увидит ландыши, его, Карла, ландыши, *те самые*, из детства, воплощенные мастерами куда лучше явившейся смелой фантазии. Увидит – и, конечно же, заругается, не оценит. А как он может оценить, коли архитекторы по его приказу сделались как сумасшедшие, строят то ли палаты, то ли терема?! Коли в Арсенальной зале Гатчинского дворца император принимает министров за столом, рядом с которым чучело медведя стоит да качели детские в форме лодки, а по стенам рога лосей и оленей развешаны?!

– Для меня большая честь показать государю изделия нашей фирмы, – только и смог выговорить Карл, когда понял, что глаза Черевина глядят из-под кустистых широких бровей уже колюче и настороженно. – Я чрезмерно польщен вниманием и доверием...

Всю дорогу до Гатчины генерал не закрывал рта. Для громогласного голоса Черевина не составляло ни малейшего труда заглушить стук колес поезда. Ехали в первом классе. Да какая радость от синего вагона при таком попутчике! Карл весь измучился, вынужденный выслушивать подробности государевой охоты.

– На охоту все гости часто приглашаются. Но вам, Карл Густавович, – Петр Алексеевич с сожалением вздохнул, – пока не доведется компанию в этом чудесном времяпрепровождении составить. Приезд ваш в тайне надлежит пока держать. Государь хочет сюрприз для императрицы в вашей мастерской заказать. Говорит, хоть и привыкла Мария Федоровна к России, по дому все равно тоскует самым сильнейшим образом.

После этой фразы страх Карла схлынул весь, целиком и полностью, без остатка.

У медведя доброе сердце.

Брал в жены чужую невесту, о чувствах речи наверняка не шло²⁶. Выходит, что полубил? И хочет удивить подарком?

Он беспокоится, что она тоскует.

Тоскует по дому...

²⁶ Мария София Фредерика Дагмар Датская первоначально была невестой брата Александра III Николая, однако он, умирая от чахотки, попросил брата вступить в брак с этой принцессой.

Мысли Карла лихорадочно заметались. Вспомнилось вдруг, что государь очень набожен. Но Мария Федоровна... Подарок предназначается ей, а она скучает по дому... Кстати, в Копенгагене ведь очень богатая ювелирная коллекция, и среди примечательнейших изделий вроде бы имеется...

Да. Да-да-да! И память о родине, и набожность. Все это можно объединить. И понятно уже даже стало, как именно это надлежит сделать! Пасхальное яйцо, похожее на то, что есть в датской коллекции, напомнит императрице о родном крае. И невозможно придумать лучшего подарка от государя, который, как всем известно, ходит к каждой обедне...

Он вспомнил мельчайшие особенности пасхального яйца из датской коллекции. Слоновая кость снаружи, а внутри золото. Желток-крышечка открывается, и на ладони оказывается золотой цыпленок с алмазными глазками. Но и в нем хитрый замочек, нажимаешь на брюшко, и в миниатюрной шкатулке появляется золотая корона с алмазами и колечко с бриллиантами.

Глаза Карла заволокло черной пеленой. И он терпеливо ждал появления привычного уже серебристого кокона, который, рассеявшись, чудеснейшим образом показывал изделие вплоть до мельчайших деталей. Он давно уже не лишался чувств во время таких видений. Ждал, предвкушал, хотелось лишь скорее рассмотреть во всех подробностях будущую свою работу...

Явившееся в воображении яйцо было поразительным. Никакой слоновой кости – белая непрозрачная эмаль и яркое золото, желто-белое, с добавлением в сплав больше серебра, а не меди, дающей теплый рыжий отблеск. Но сейчас рыжины нет, золото сияющее, беловатое! Цыпленок тоже из золота, но глаза рубиновые, а не алмазные, так будет ярче, живее. Внутри, возможно, корона, камни, ее украшающие, – рубины и алмазы, вот тут дуэт оправдан. А колечко, как в датской коллекции, изготавливать не нужно, это лишнее...²⁷

«Сюрприз, яйцо с сюрпризом, – радовался Карл, мысленно уже рисуя эскиз. – Сюрприз – очень хорошо, изумительно. Мне никогда не забыть той вишневой косточки, которая вдруг явила истинное мастерство. Удивлять – вот что должна делать хорошая тонкая работа».

– Карл Густавович, воля, конечно, ваша, – громогласно прервал размышления Фаберже Черевин. – Вы можете и дальше в купе сидеть. Но шкатулки все погружены, карета ждет. К государю опаздывать негоже!

* * *

Амнистии руководительница службы безопасности «Pan Zahar Group» Жанна Сергеевна Леонова совершенно не понравилась. Зеленая попугайха, подаренная следователю Владимиру Седову на День юриста, описала в честь появления женщины в кабинете круг почета. И со снайперской точностью нагадила на рукав ее черного элегантного пальто. А потом возмущенно выдала:

– Чик-чик-чик! Пр-реступность наступает!

Все это свидетельствовало о наивысшей степени возмущения своенравной птицы.

– Извините, – Володя протянул Леоновой салфетку. – Вот, просто вытрите. Или лучше я вам помогу. Видите, пятна нет.

Он помог женщине снять верхнюю одежду, махнул рукой на стул, где обычно присаживались допрашиваемые, включил компьютер.

²⁷ История появления первого императорского яйца Фаберже точно неизвестна. Многие эксперты склонны рассматривать версию аналогии с пасхальным яйцом из датской коллекции. Сходство между изделиями действительно прослеживается, но скрепляющие механизмы на яйце Фаберже практически незаметны. Находившаяся внутри цыпленка из первого императорского яйца Фаберже корона не сохранилась.

Ожидая, пока кряхтящая от старости техника загрузится, следователь наконец получил возможность хорошо рассмотреть лицо сидящей напротив гражданки Леоновой. И мысленно согласился с Амнистией: неприятная особа. И не потому, что не обладает ни красотой, ни молодостью. Выразительные голубые глаза, ровный прямой нос, едва заметная маленькая родинка у четко очерченных губ. Особенно эффектно выглядят оригинально постриженные пепельно-русые волосы. Нет, формальных изъянов во внешности не видно. Но, как ни странно, это лицо отталкивает, а не привлекает. Может, оттого, что в нем видны штрихи, которые скорее свойственны мужским лицам? У женщин не бывает таких категоричных морщин на лбу, упрямых складок у губ...

«А если они и бывают, то я их вижу впервые. В любом „синем чулке“ можно разглядеть зачатки женственности. Леонова явно следит за собой, прическа, костюм, обувь – все стильно, со вкусом, не к чему придраться, – подумал Седов, открывая на компьютере бланк с протоколом допроса. – Но все-таки странное у меня сейчас чувство, вижу перед собой женщину, а все равно кажется, что мужик. А какое у нее самообладание! Не нервничает, не волнуется. Ледяное спокойствие... Хотя, наверное, женщина, занимающаяся такой работой, как у Леоновой, и должна отличаться. Знаю, что есть руководительницы охранных агентств. Но о тех, кто возглавляет службу безопасности коммерческого предприятия, даже не слышал».

– Вы были знакомы с гражданкой Калининой Полиной Анатольевной? – спросил Седов, вытаскивая из пачки сигарету. – Жанна Сергеевна, в этом кабинете курят, так что, если хотите...

Она отрицательно покачала головой.

– Нет, спасибо. С Полиной мы знакомы год и девять с половиной месяцев.

«Девять с половиной месяцев» следователя доконали окончательно. Мало того, что не сказала, курит, не курит, вообще никак не продемонстрировала своего отношения к наполняющим кабинет клубам дыма. Так еще и эти «девять с половиной месяцев»!

– Чувствуется, вы подготовились к нашей беседе, – саркастически протянул Володя, давя в набитой окурками пепельнице едва разгоревшуюся сигарету. – Все продумали, да? И алиби у вас на вчерашний день, временной промежуток с двадцати до двадцати одного часа, подготовлено? И объяснение, почему визитка ваша возле трупа валялась?

Никакой реакции. Ни-че-го! Мимика – как у посмертной маски. Тело не оживленнее мумии, ни единого произвольного движения.

– Я предполагала, какие вопросы будут вас интересовать. И, конечно, обдумывала свои ответы, – глядя Седову прямо в глаза, ровным голосом сказала Жанна. – Вам ведь надо как можно быстрее выполнить свою работу. Мы тоже собираемся проводить собственное исследование. И, конечно, в случае появления значимой информации поставим вас в известность. Вчера с девятнадцати тридцати до двадцати одного тридцати я была в салоне красоты, которым руководит жена Андрея Захарова Светлана. Вы можете проверить это у мастеров. Визитку Полине я оставила в связи с тем, что собиралась делать в своей квартире ремонт. Полина была хорошим дизайнером, и ее работы соответствовали тому, что мне хотелось бы видеть у себя дома.

– Глядя на вас, не скажешь, что вас волнует, как выглядит ваш дом, – вырвалось у Седова, уже пришедшего в отчаяние от невозмутимого спокойствия женщины. Робот просто, ни одной человеческой эмоции! – Вы были в дружеских отношениях с Полиной? Может, она вам говорила о конфликтах с кем-либо, об угрозах?

Особенно умилил Володю собственный вопрос о дружбе. Какая дружба с роботом! К садовой скамейке или фонарю скорее проникнешься симпатией, они больше эмоций вызывают, чем эта Антарктида в изящном сером брючном костюме!

– В дружеских отношениях не были. Калинина дружила со Светланой Захаровой. Они знакомы с детства. Об угрозах именно Полине мне ничего не известно.

– А об угрозах в чей адрес известно? – живо поинтересовался Седов и поежился. Холодность собеседницы начинала материализовываться в реальные физические ощущения. А ведь на нем теплый свитер. Сегодня встреч с начальством и походов в СИЗО не намечалось. Можно было позволить не напяливать ненавистный синий форменный костюм, гроб этот тесный и неудобный. А надеть удобный шерстяной свитер. Который сейчас отчего-то теплым больше не кажется...

Жанна открыла лежащий на коленях темно-коричневый портфель, достала файл с бумагами.

– Я подготовила информацию за последние полгода. 8 августа. Телефонный звонок с угрозами в адрес Виктора Паничева, второго совладельца нашей компании. Проверка показала, что звонок сделан лицом, страдающим психическим заболеванием и находящимся в изоляции. 3 сентября поступило письмо, адресованное Андрею Захарову. Ничего серьезного, отправлено из офиса мелкой фирмы, пытающейся внедриться на рынок безалкогольных напитков. Вы можете сами посмотреть. – Жанна положила файл перед Седовым. – Мы регистрируем все подобные происшествия, архив ведется более семи лет. Если нужна вся информация полностью, я могу ее предоставить.

«И чего я на нее взелся? – с раскаянием подумал Седов. – С этой Леоновой приятно иметь дело!»

Он встал из-за стола, включил чайник и, заглянув в две синие жестяные банки, поинтересовался:

– Чаю или кофе хотите? Слушайте, а вот как вы проверяете все эти угрозы? Если все по уму делать, то тут потребуется маленькая спецслужба. Ваша компания настолько успешна, чтобы содержать такую солидную службу безопасности?

– Мне чай без сахара, пожалуйста. Компания – лидер рынка безалкогольных напитков. Мы занимаем большой процент в доле овощной продукции быстрой заморозки и пытаемся войти в сектор таких продуктов, как пельмени и вареники, и...

Так же подробно и обстоятельно рассказала Жанна и о структуре и численности службы безопасности. Картина вырисовывалась любопытная. Служба была небольшой и вот по какой причине. Один из совладельцев, Виктор Паничев, четко следовал всем рекомендациям Леоновой и не возражал против охранника-водителя и прикрепленного. Но второй, Андрей Захаров... Лучше бы он пытался перещеголять других крупных бизнесменов по численности охранников. Но его понты были направлены в противоположную сторону: никто мне не нужен, я сам люблю водить машину, бизнес у меня честный, поэтому рядом со мной никого быть не должно.

– Не буду говорить обо всех нюансах, но мы пытаемся обеспечивать безопасность Андрея Владимировича с учетом его категорического возражения против классической схемы. Но, конечно же, все наши хитрости менее эффективны, и меня это беспокоит. Штатных сотрудников, включая меня, двенадцать человек. Охрана офиса, завода и кафе-баров обеспечивается наемными работниками ЧОПа. Это выгодно по материальным соображениям, претензий к их работе нет. Но вот наше руководство... – вздохнула Жанна, отставив пустую чашку. Любопытная Амнистия сразу же спикировала на ее край и заглянула внутрь. И гневно чирикнула. Ничего не оставили бедной птичке!

– К сожалению, – продолжала руководительница службы безопасности, – примеру мужа со временем последовала и Светлана Юрьевна и тоже стала сама садиться за руль. Я рекомендовала ей проявить осмотрительность. Особенно после того, как в офис прислали письмо угрожающего характера.

– Какое письмо?

– Оно там, посмотрите. Два месяца назад пришло.

Следователь вытащил бумаги, нашел конверт без обратного адреса.

«Светка, шлюха, оставь Андрея в покое, иначе тебе не жить».

– Мы установили только почтовое отделение, с которого было отправлено письмо. Больше информации получить в этом случае невозможно. И я советовала Светлане проявить осторожность. И у Андрея, и у Виктора множество поклонниц, они публичные люди, хорошо выглядят, очень богаты. С ними постоянно пытаются познакомиться, звонят, караулят у офиса, ресторанов, фитнес-центров. Кстати, по этой причине у нас в офисе несколько лет назад и был оборудован собственный тренажерный зал. В Интернете множество любительских сайтов, посвященных нашему руководству. Мы отслеживаем эту информацию, чтобы если не предотвращать инциденты, то хотя бы иметь представление об источниках потенциальной угрозы. И, конечно же, Светлане Юрьевне следовало бы проявить больше осмоторительности. Женщины, навязчиво атакующие Андрея, неадекватны.

«Что ж, пожалуй, появляется еще одна версия, кроме первоначальной, грабежа. А что, если Полину просто перепутали со Светой Захаровой? – подумал следователь, постукивая карандашом по столу. – Они ровесницы, примерно одного роста и телосложения. Обе блондинки, если я ничего не путаю, или Захарова вдруг не сменила масть, у девочек это часто бывает... Их запросто могли перепутать. Полина управляла машиной Захаровой, зимой темнеет рано. И случилось то, что случилось».

– Жанна Сергеевна, а можно ли получить информацию по девушкам, которые оказывали знаки внимания Андрею Захарову? – задумчиво поинтересовался следователь.

Руководительница службы безопасности кивнула:

– Конечно. Я перешлю вам ее по электронной почте. И мы тоже попытаемся работать в этом направлении. Хотя мне лично кажется, что все-таки убийца польстился на дорогой автомобиль. «Porsche» угоняют часто. Светина машина, как и автомобили руководства нашей компании и членов их семей, оборудована серьезной противоугонной системой. Которая не по зубам даже профессиональным взломщикам. Но преступник не мог об этом знать...

* * *

– Танюшка, знаешь, чего я тебе хочу сказать?

Жена улыбнулась. Видеть ее через свой старенький телефон оперативник Паша, конечно, не мог. Просто почувствовал: улыбается. У супруги такая очаровательная солнечная улыбка! С другого конца Москвы тепло ее донеслось. И сразу как-то уютнее стало. Хотя лицо царапает колкий декабрьский ветер. А руки как заоченели, мама дорогая! Кажется, только минуту назад перчатки стянул: за хот-дог расплатиться и жене позвонить. Еле получилось негнушимися пальцами войти в телефонную книгу и найти самого любимого абонента. Но вот Танюшка улыбнулась, и на выстуженной Красной площади сразу обнаружили не только сугробы, но и праздничные гирлянды на витринах магазинов и кафе, а еще...

– Тань, ты представляешь, в центре уже елку украсили! Красиво как! Надо с девчонками обязательно выбраться. И каток, кстати, залили. А, спортсменка, слабо на коньках?

– А я думала...

Паша довольно зажмурился. Она улыбается. Как тепло!

– А я думала, ты хочешь сказать, что ты меня любишь!

– Это само собой разумеется! Ох, Тань, не совершай преступлений в центре. Здесь все простреливается камерами, каждый сантиметр! Тебя найдут, но чего это будет стоить операм!

– Устал? Пообедать не получается? – растревожилась жена. – Только не ешь фастфуд, я очень тебя прошу. Если проголодался, купи булочку, конечно, ржаную. Но не хот-дог или гамбургер. А то я тебя знаю! Обещаешь?

Паша посмотрел на зажатый в руке хот-дог, щедро политый горчицей. И без малейших угрызений совести быстро заверил:

– Конечно, обещаю.

А зачем расстраивать супругу? Она – инструктор по аэробике, помешана на здоровом образе жизни и этом, как его... сбалансированном питании, что ли... Любая вредная, с ее точки зрения, еда сразу превращает милую девушку в занудную училку. Танюша заводится мгновенно: «Лишние калории, пострадает то, нарушится это». И она так расстраивается и переживает! Ни к чему любимой волноваться. А хот-дог не выдаст страшной-страшной тайны. Потому что через пару минут от мягкой булочки с сосиской не останется ни крошки.

Закончив разговор, Паша быстро расправился с вредным продуктом, выкурил сигарету, особенно вкусную на морозном воздухе. И направился к гостинице «Национальная». Так! После случившегося здесь пару лет назад теракта камер на этом здании должно работать множество. Скорее всего, цепляют они и парковку, где оставляла машину Полина Калинина. Поэтому надо как можно быстрее просмотреть диски с видеозаписями. Не будут же они храниться вечно.

«Хорошо, что Полина расплачивалась картой, а не наличными, – подумал Паша, останавливаясь на перекрестке. – Мы быстро вышли на „Охотный Ряд“, посмотрели видео с камер на площади. И я еще пару часов назад увидел любопытную картину: какой-то хрен проколол девочке колесо. Так что тут более сложная, чем казалось на первый взгляд, комбинация намечалась. Седов, когда про „Охотный Ряд“ выяснил, решил: заметили в галерее бутиков хорошо одетую девушку, проследили, что машинка у нее еще лучше, чем одежда, ну и поехали следом. А она еще, бедняжка, колесо пропорола в неживом районе. Но нет, все не так было. На записи четко видно: Полина паркуется, выходит из машины, и буквально через минуту рядом оказывается мужик, склоняется над колесом. Секунда – и нет его. Качество изображения неплохое, но на голове у мужика капюшон. Может, под другим углом съемки хоть как-то лицо удастся разглядеть...»

Особого энтузиазма визит оперативника у сотрудников гостиницы не вызвал. Сначала швейцар, спрятавшийся от мороза внутрь, бросился помогать с дверью, но передумал. С демонстративно скисшей физиономией покосился на черную вязаную Пашину шапочку, короткую, не по сезону, куртку. И поджарый парень с рацией, также находившийся в холле, высокомерно повел шеей. Но служебное удостоверение сделало свое дело.

Оперативника провели в комнату, где находился монитор, показывающий «картинку» со всех наружных видеокамер гостиницы, отыскивали нужные диски.

Увы.

Мужик, проколовший колесо, надвинул капюшон очень низко. Единственное, что можно было понять по кадру в фас, – это то, что, кроме капюшона, лицо преступника до уровня глаз прикрывает черный шарф...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.